

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ПО КНИГЕ О.М. МЕДУШЕВСКОЙ «Теория и методология когнитивной истории»

13 декабря 2008 г. в Историко-архивном институте РГГУ состоялись Чтения, посвященные памяти доктора исторических наук, профессора Ольги Михайловны Медушевской (1922–2007), проведенные кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. В рамках Чтений прошел «круглый стол» – обсуждение последней монографии О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» (М., 2008. 361 с.). С докладами выступили Заслуженный деятель науки, академик РАО С.О. Шмидт (ИАИ РГГУ), профессора: В.А. Муравьев (ИАИ РГГУ); М.Ф. Румянцева (ИАИ РГГУ); Б.С. Илизаров (ИРИ РАН); А.Н. Медушевский (ИРИ РАН); С.И. Маловичко (Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева); доценты и преподаватели ИАИ РГГУ – Д.А. Добровольский; Р.Б. Казаков; Е.В. Пчелов; были поставлены проблемы истории как строгой науки, эмпирического объекта исторического знания, феноменологической парадигмы источниковедения в системе гуманитарного знания, интеллектуальных источников концепции Медушевской, ее места в системе эпистемологии XX – начала XXI в., значения для современной науки, гуманитарного образования и социальной практики в широком понимании.

С.О. Шмидт подчеркнул, что Медушевская не только внесла выдающийся вклад в развитие теории и методологии истории, но создала фундаментальную научно-педагогическую школу в российском источниковедении XX в. Для нее были характерны научная беспристрастность в поиске истины, кристальность мысли и отказ от интерпретационных схем, настойчиво навязываемых идеологизированным государством. Научная школа О.М. Медушевской опирается на лучшие достижения русской дореволюционной исторической мысли, вбирает в себя богатство идей об историческом прошлом в европейской и мировой философии истории истекшего столетия, опыт изучения самых различных видов исторических источников России. В последней книге ученого предложена цельная и оригинальная теория когнитивной истории, подводящая итог ее научного творчества и представляющая собой новую теоретическую концепцию в гуманитарном знании. Изучение этого труда, как и всей эволюции научных и общественно-политических взглядов Медушевской, представляет важную историографическую задачу будущего.

«Теория и методология когнитивной истории», – отметил Б.С. Илизаров, – это труд, который поднимает самые глубокие вопросы исторического познания: что такое история – наука или искусство; каким образом возможно достоверное познание прошлого; наконец, каков должен быть путь человеческого сознания к выяснению смысла мирового универсума. В книге О.М. Медушевской представлены ответы на эти вопросы. Универсум – нерасчлененный поток; ему противостоит человеческое сознание, которое дробит его на части и делает понятным. Ключевую роль в этом процессе играет язык, поскольку дает обозначение фиксированной дискретности и, тем самым, формирует воспринимаемую нами реальность. Очень убедительно введено в концепцию понятие «вещи» – исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, изучая который, безусловно, можно выйти к подлинным универсалиям представлений о человеке. Наша историческая картина мира может меняться и в этом смысле быть доступной различным интерпретациям, однако источниковедение – это строгая наука, поскольку критерии доказательного и точного знания – неизменны. Именно эти категории отстаивает концепция, представленная в книге. С этих позиций целесообразно обращение не только к вопросам собственно гносеологического характера, но также проблемам этики – добра и зла, ценностного выбора каждой эпохи.

Концепция Медушевской (как это всегда бывает в случаях появления научных мегапарадигм), – констатировал В.А. Муравьев, – не только теория, но и прекрасный практический ориентир. Она была сформирована в ходе многолетней преподавательской деятельности и имеет, поэтому, не только эвристический, но и педагогический потенциал. Когнитивно-информационная концепция может быть положена в основу осмысления реформы высшего образования, поскольку позволяет очень точно провести различие между двумя стратегиями – фундаменталь-

ной информационной (основанной на применении критических методов анализа информации и обучении им) и прагматически-транслирующей (основанной на простой передаче сведений, информационная новизна и содержательность которых не ставится под вопрос). Эта концепция не только дает мощные аргументы в поддержку фундаментального университетского образования, но и показывает, как достичь этого практически, т.е. предлагает систему определений, курсов, учебных планов и т.д.

В дискуссии приняли участие: доктора исторических наук – Б.С. Илизаров; Е.Н. Швейковская (Институт славяноведения РАН); И.В. Сабенникова (ВНИИДАД); кандидаты исторических наук – В.Д. Банасюкевич (ВНИИДАД), Ю.Э. Шустова (ИАИ РГГУ), Л.Б. Сукина (НОУ – Институт программных систем – «Университет города Переславля»); преподаватели, музейные и архивные работники – Г.Н. Савельева (РГГУ); А.М. Булатов (РГГУ); Н.В. Нор (ГИМ); Г.Р. Саатчян (ООО «Развивающие и формативные технологии»). Перед исследователями-историографами и источникововедами, – отмечали выступавшие, – встает ряд проблем: как интерпретировать те или иные положения концепции Медушевской (признано целесообразным издание собрания ее сочинений, библиографии всех трудов, их комментирование и исследование); как развивать эти положения в научной литературе и учебном процессе (максимально интегрировать эти идеи в гуманитарное образование, возможно, в виде особого курса или раздела курса методологии истории, посвященного специально ее взглядам, ввести в список экзаменационных вопросов для студентов и аспирантов изучение данной теории); как добиться того, чтобы эти идеи практически влияли на сознание общества (предложено сделать Чтения памяти О.М. Медушевской – регулярными и ориентированными специально на методологию истории и теоретическое источниковедение, а также связанные с ними сравнительные исследования).

Затем обсуждение было продолжено в Internet-формате. Его участниками стали: доктора исторических наук, профессора: В.М. Магидов (ИАИ РГГУ); Н.А. Минников (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону); С.С. Минц (Кубанский государственный университет, Краснодар); доктор философских наук А.В. Лубский (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону); кандидаты исторических наук, доценты – В.В. Высокова (Уральский государственный университет, Екатеринбург); И.М. Гарскова (МГУ им. М.В. Ломоносова); Г.Н. Ланской (ИАИ РГГУ); А.А. Лукашевич (Кировоградский национальный университет, Украина); доктор Тереса Мареш (Институт истории и международных отношений Университета им. Казимира Великого, г. Быдгощ, Польша).

Итоги первого этапа освоения фундаментального труда О.М. Медушевской предлагаются вниманию читателя.

* * *

М.Ф. Румянцева: Когнитивная история – новая парадигма в науках о человеке

Книга О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» — результат более чем полувекового напряженного интеллектуального труда. Эта книга не просто подытоживает многолетнюю интенсивную рефлективную деятельность Ольги Михайловны в сфере исторического и – шире – гуманитарного познания, но и, несомненно, выводит на принципиально новый концептуальный уровень научно-педагогическую школу источниковедения Историко-архивного института РГГУ и, смею думать, всю российскую гуманитаристику. Эта книга должна стать отправной точкой в становлении современной синтетической науки о человеке, которая в книге Медушевской конституируется как «когнитивная история».

Научное сообщество только начинает воспринимать это новое знание, полноценное осмысление которого требует высокого уровня профессионализма и значительных интеллектуальных усилий. Не претендуя на полноценный и всесторонний анализ труда Медушевской, акцентирую внимание лишь на двух вопросах: об этапном значении ее монографии для методологии гуманитарного знания и о том, почему этой книге не просто будет найти путь к своему читателю за пределами «невидимого колледжа», объединенного вокруг научно-педагогической школы источниковедения, концептуальное оформление которой на протяжении последних десятилетий было неразрывно связано с именем Медушевской.

Ответ на второй вопрос четко сформулирован самим автором: «Профессиональное сообщество историков находится в ситуации смены парадигм. ...По отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них, неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее

время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания, исключаящего перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания лишь в ценностном выборе историка. ...Другая парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания, не общепризнанна и представлена исключениями» (с. 15–16)*. Мне кажется чрезвычайно важной и актуальной мысль о близости построений профессиональных историков в рамках традиционных/привычных парадигм или привычной нарративной логики массовому сознанию. Именно в этом видит автор причину устойчивости традиционных подходов: «В силу своей адекватности повседневному историзму массового сознания парадигма нарративной логики преобладает в мире. Достаточно вспомнить о том, как представляет свою науку сообщество в преподавании в общеобразовательной школе. История преподается не как наука или научный метод, но как набор достигнутых знанием утверждений, сопровождаемых оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, но на усвоение» (с. 16). Эта мысль имеет принципиальный характер для становления образовательной модели высшего гуманитарного образования, которую Медушевская последовательно разрабатывала в последние годы и обоснованию которой посвящена пятая, заключительная, глава монографии.

В чем же этапное значение этой книги? Принципиально важно последовательно проводимое Медушевской противопоставление нарративной логики и феноменологической логики. Синтезируя в результате источниковедческий подход и новое понимание истории в системе наук о человеке, автор приходит к выводу: «Смена парадигм в сообществе происходит не путем модернизации нарратива, но путем формирования другой, феноменологической, логики исторического исследования. Прежде всего, она утверждает информационную самоценность интеллектуального продукта как реализованного (эмпирическая данность) феномена со своей дискретностью и структурированностью» (с. 341). Именно обоснование феноменологической парадигмы составляет основное содержание книги.

Медушевская продвигается от сформулированной источниковедческой концепции к новому пониманию истории, выводящему историческое знание на новый уровень в системе когнитивных наук. «Каждая из наук, — пишет автор, — ... берет в качестве объекта одну из сторон человеческого мышления и поведения и потому не может настаивать на его абсолютной репрезентативности. Есть лишь одна наука, объектом рассмотрения которой в принципе является весь человеческий род, от его начала до современности, в его эволюционном и глобальном единстве. Эта наука — история, ее объект мыслится как адекватный человечеству. Исторический процесс — и есть время и место реализации человеческого мышления и поведения как универсального явления. Следовательно, лишь при условии привлечения исторической науки когнитивистика может получить адекватный своим целям объект» (с. 8–9).

Высочайший уровень концептуализации обложен в книге О.М. Медушевской в строгую логическую форму. В монографии, посвященной теоретическому обоснованию возможности универсальной эмпирической науки о человеке и исследованию ее методологии, последовательно анализируется феномен человека как существа, реализующего себя через создание «вещи» (гл. 1), затем рассматривается проблематика информационного обмена, в первую очередь, через посредство «вещи», т.е. реализации/объективации творческой активности человека (гл. 2). Центральное место в исследовании занимает третья глава, посвященная феномену «исторического источника» и становлению науки о нем. В следующей главе Медушевская рассматривает структуру объекта когнитивной истории как эмпирической науки. И наконец, автор выходит на проблему образовательных стратегий в условиях смены/параллельного существования нарративной и феноменологической парадигм гуманитарного познания (гл. 5).

В работе Медушевской фактически аккумулирован огромный опыт гуманитарного знания. Следуя логике своей мысли, автор волей-неволей вступает в диалог, а иногда и в резкую полемику, со всей — именно со всей в ее совокупности — философско-гуманитарной мыслью конца XIX — начала XXI в.: от Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, неокантианцев и Э. Гуссерля до П. Рикера, Х. Уайта и Ж. Деррида. Но этот диалог не эксплицируется и, соответственно, требует вдумчивой деконструкции / реконструкции со стороны не просто заинтересованного, но и профессионально грамотного, философски образованного читателя.

В основе ясности текста — предельная прозрачность всех используемых понятий: от таких универсалий как человек до специальных терминов исторической науки, базовым из которых является понятие «исторического источника». Подчеркнем особо — практически все определе-

* Здесь и далее в скобках указываются страницы издания.

ния авторские. Они не взяты из философских словарей или энциклопедий, они «добыты» (здесь уместно использовать одно из любимых выражений А.С. Лаппо-Данилевского) в ходе последовательного решения поставленных в монографии проблем; они не «встроены» в концепцию, они имманентны ей. Возьмем для примера два ключевых понятия концепции Медушевской – «человек» и «наука». Для построений Медушевской это действительно понятия базовые, поскольку автор выстраивает теоретико-методологические основания синтетической, точной «науки о человеке». В самом начале исследования автор фиксирует свое понимание науки, выделяет ее деятельностный аспект: «Под наукой мы будем понимать научную деятельность, в которой достижение цели значит достижение нового, точного (градуированного по степени точности) и системного (т.е. соотношенного с существующей научной картиной мира) познания» (с. 9). Затем автор формулирует основные критерии научности: «Под научным знанием будем понимать знание новое, т.е. такое, которое является продуктом творчества. ...Качество творческой новизны обязательно входит в понятие научности, но его недостаточно для полного определения научности. Научное знание далее есть знание доказанное, логически-выводное, т.е. оно открыто для представления обществу не только своим результатом, но предполагает открытость и логическую непротиворечивость по всему пространству исследовательского пути от замысла к результату» (с. 14–15). Столь же существенное значение для структуры концепции О.М. Медушевской имеет понятие «человек», поскольку, как утверждает автор: «Основной постулат когнитивной истории составляет, естественно, определение феномена человека» (с. 331). Специально феномену человека и обоснованию возможности эмпирической науки о человеке посвящена первая глава монографии, но уточнение/прояснение этого понятия происходит на протяжении всего исследования. В заключении Медушевская дает предельно четкое и одновременно емкое оригинальное определение, аккумулирующее понимание человека как существа творческого, социального и исторического: «Человек – живое существо, завершающее познавательное действие созданием продукта. Опосредованный информационный обмен через посредство этого продукта делает человека существом социальным, формируя действующую информационную систему сообщества и потенциальную информационную сферу человеческого рода, поскольку информационный ресурс является общим и доступен каждому» (там же).

Таким образом, уровень концептуализации, предложенный в монографии «Теория и методология когнитивной истории», уровень гуманитарного синтеза, степень отрефлексированности метода наук о человеке и их системных связей с науками о природе и науками о жизни позволяют утверждать, что мы имеем дело фактически с принципиально новой парадигмальностью гуманитарного знания.

Д.А. Добровольский: Историописание как формирование культуры

Историческую науку XX столетия, особенно его второй половины, часто и не без весомых оснований определяют как антропологически-ориентированную. При этом такая «новая» история в человеческом изменении противопоставляется «изжившим, себя» позитивизму и марксизму, в рамках которых изучение прошлого воспринималось как одна из наук об обществе и имело весьма ограниченное значение – обеспечивать необходимую временную перспективу базовым социологическим конструктам, а те представляли собой, в свою очередь, лишь несколько замаскированную под рассказ о прошлом саморефлексию западноевропейской культуры XIX в. И действительно, идея относительности европоцентристской модели истории и выведенных на европейском же материале законов развития общества была сформулирована не в XIX, а именно в XX в. Думается, однако, что переориентация с изучения общества (а точнее говоря – с формулирования законов общественного развития) на постановку вопроса о том, как действующие на уровне социума тенденции воспринимаются каждым отдельным человеком, – это лишь одна из черт, отличающих современное знание о человеке от «классической» гуманитаристики XIX в. Второй такой же важной чертой является осознание того, сколь мала реальная роль человека в истории, и сколь мало значит отдельный индивид в противостоянии с социальными структурами, причем далеко не только с такими принципиально бесчеловечными, как тоталитарные государства.

Процесс своеобразной «дегуманизации» знания о человеке (а в сущности, конечно же, переоценки роли личности в истории) начался вне рамок собственно исторической науки. Сначала это произошло в искусствоведении, где был выдвинут лозунг «истории искусства без имен» (Г. Вельфлин), а от искусствоведов эстафету приняли литературоведы-формалисты – Б.В. Томашевский, Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Р.О. Якобсон и другие. Противопоставляя свои исследования традиционной истории литературы, и возвращаясь – одновременно –

к вопросам, поставленным еще А.Н. Веселовским, русские формалисты стремились написать историю словесного творчества как абсолютно самодостаточного явления, не зависящего ни от кого и ни от чего, кроме собственных законов развития. С точки зрения этой новой филологии личность писателя была лишь одним из привходящих начал, далеко не центральных по роли в литературном процессе (см. подробнее: *Эйхенбаум Б.М.* Теория «формального метода» // *Эйхенбаум Б.М.* О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 375–408). Таким образом, формальная школа в литературоведении положила начало выработке новых объяснительных моделей, уделявших автору произведения существенно меньше внимания, чем реализуемому в этом произведении приему.

Постепенно сопоставимые модели утверждаются и в исторической науке, в том числе – в историческом источниковедении. Так, если по мнению А.А. Шахматова и М.Д. Приселкова основной задачей исследования русских летописей было установить то лицо, в чьих интересах могло быть написано изучаемое известие, то теперь центральным вопросом оказывается вопрос о том, какой из общественно одобренных образцов был использован при создании интересующего исследователя фрагмента, и какова была роль летописания как социальной практики. Сами исследователи объясняют смену интереса в терминах «антропологического поворота», говоря о стремлении приблизиться к внутреннему миру книжников, их логике и их интересам. Однако этот «внутренний мир», может быть, неожиданным, а скорее, напротив, совершенно естественным образом оставляет очень мало места для индивидуальности, а существенно больше – для описания социальных механизмов.

Ясно, что новое понимание действующих начал истории требует новых приемов изучения источникового материала. И именно такие приемы формулируются в работах ученого, в частности, – в ее обсуждаемой книге. Обосновывая свой оригинальный подход к интерпретации исторических источников, О.М. Медушевская отмечает, что «интерпретационная гипотеза требует выяснения» пяти основных «проблем». Это «пространственно-временные координаты (время и место) создания исследуемого произведения», «базовые параметры информационной системы, в рамках которой действовал создатель произведения», «социально-психологические условия формирования его индивидуальной картины мира», «иерархия функционирующих систем, по нормам и правилам которых он существовал в своем сообществе», и, наконец, «видовая структура созданного им произведения». Каждый из вопросов этой своеобразной анкеты подчинен одному центральному, который и формулируется буквально на следующей странице: «Тем самым понимание чужого сознания выстраивается не через традиционное (для герменевтики) субъективно проведенное сравнение со своим сознанием (вернее со своим представлением о собственном сознании), но через научное сравнение с общей моделью творческого процесса». В итоге, «произведение предстает таким, каким было задумано и сформировано... – как явление своего времени, как выражение мышления, общих правил и индивидуальных способов и приемов его преобразования в реализованный продукт» (с. 282–283). Центральной проблемой в представленной интерпретационной модели являются отношения индивида и среды.

Важно подчеркнуть и еще одну очень существенную особенность историко-теоретических построений Медушевской. Это, если так можно выразиться, принципиальная деромантизация и демистификация всех обсуждаемых познавательных процессов. Одним из важнейших для отечественной гуманитарной мысли является понятие «ноосфера», ассоциирующееся обыкновенно с трудами В.И. Вернадского, а у самого Вернадского вводимое со ссылками на французских мыслителей Э. Леруа и П. Тейяра-де-Шардена (ср.: *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетарное явление. М., 1991. С. 124, 241). Обращение Медушевской к этой интеллектуальной традиции выразилось в использовании понятия «информационная сфера», являющегося без преувеличения ключевым для всей обсуждаемой книги, и выступающего в качестве обозначения «материально-вещественного результата (следа) совокупного когнитивного феномена человеческого мышления» (с. 350). Возникновение такого «следа» связано со «способностью» человека «фиксировать результат мышления в материально структурированном интеллектуальном продукте», в результате чего не мысль, конечно, но хотя бы ее продукт «становится общим достоянием», которое «в принципе открыто для любого – если не пользователя, то наблюдателя» (с. 68). Эти рассуждения не только простым и одновременно всеобъемлющим образом раскрывают механизм формирования культуры, но и столь же прозрачно отвечают на самый главный и трудный вопрос, постоянно задаваемый профессиональным историкам сегодня, – откуда мы знаем то, что мы знаем о прошлом.

Книга Медушевской не просто вновь обращает нас к важнейшим достижениям отечественной и мировой гуманитарной мысли XX в. Мы видим образец классического гуманитарного

мышления в принципиально новой, невиданной – и, повторяюсь еще раз, – во всех смыслах «бесчеловечной» ситуации (причем слово «бесчеловечный» следует скорее употребить без кавычек). Культурообразующее значение такого интеллектуального опыта невозможно переоценить.

Л.Б. Сукина: История «как строгая наука» в современной гуманитаристике

Полидисциплинарный характер нашей кафедры, кафедры гуманитарных наук и иностранных языков, всегда вынуждал меня интересоваться состоянием гуманитаристики в целом. И надо отметить, что методологический кризис – это состояние целого ряда гуманитарных дисциплин. В то же время, для них, особенно с 1990-х гг., после публикации в русском переводе «Когнитивной психологии» Роберта Л. Солсо, характерен и интерес к когнитивистике. Когнитивные подходы в последние годы получили распространение в философии, психологии, лингвистике, информатике, они тесно связаны с проблемой исследования и моделирования искусственного интеллекта. Поэтому появление масштабного труда, посвященного когнитивной концепции гуманитарного знания – давно назревшая необходимость. Примечательно, что такой труд написан профессиональным историком. Историческая наука, как одна из ведущих наук о человеке, человеческом сознании, в настоящее время нередко выполняет методологическую функцию, именно в ее рамках чаще всего удается соединить философский и дисциплинарный подходы.

Замечательно, что в российской гуманитаристике началось движение в сторону методологии. После всеобщего увлечения гуманитариев в 1990-е гг. идеями, приходящими в наше научное сообщество через переводившиеся тогда работы западных философов, социологов, культурологов, политологов, историков, лингвистов (что было вполне естественным процессом), наступило время собственного поиска путей развития научного знания, обращения к отечественному методологическому наследию. О.М. Медушевская принадлежит к тем, пока еще, к сожалению, немногим исследователям, убедительно доказавшим, что отечественные научные школы, в данном случае школа источниковедения Историко-архивного института РГГУ, обладающая собственным мощным потенциалом, позволяющим предлагать новые парадигмальные модели развития науки. «Теория и методология когнитивной истории» – естественный и закономерный этап деятельности ученого. Эта монография стала результатом ее многолетних поисков в сфере методологии исторического знания, в ней соединились скрупулезное следование принципу научной точности, широта взглядов, глубокая эрудиция в области целого ряда гуманитарных наук. Но этот труд вряд ли можно назвать итоговым, многое осталось в нем только намеченным, многие проблемы ярко и выпукло обозначены, но требуют дальнейшей детальной разработки. Книга Медушевской провоцирует мысль ее читателя к действию. Чтение этого текста – и большое интеллектуальное удовольствие, и трудная работа, работу, которую гуманитариям, склонным к поискам и размышлениям в методологической сфере, теперь надо обязательно выполнить, чтобы двигаться дальше.

В своей книге Медушевская последовательно проводит идею возможности истории как строгой науки, отвечающей требованиям точности и верифицируемости научного знания. Ее работа – достойный ответ на претензии представителей точных и естественных наук, предъявляемые ими к истории, которая, с их точки зрения, представляет собой некий специфический жанр литературы или публицистики (надо отметить, что при этом те же компьютерные науки, в «точности» которых никто не сомневается, позиционируют себя как научное знание, искусство и род интеллектуального ремесла). В книге показано, как историческая наука может добыть точное знание, какими методами она может его верифицировать. По мысли автора, исторический нарратив, к которому, собственно говоря, и обращены все претензии научного сообщества в «приблизительности» знания и «предварительной заданности» результата исследования – прошлое исторической науки, ее настоящее и будущее – источниковедение, исследовательские стратегии которого позволяют реализовать принципы точности и верифицируемости.

Для меня, как исследователя русской культуры Средневековья и раннего Нового времени, большое значение имеет идея «информационной сферы», в которую Медушевская включает всю динамическую систему информации, накопленной человечеством. В рамках этой идеи к историческим источникам, каковыми в традиционном источниковедении считаются, в основном, письменные памятники, в первую очередь, документы, могут быть отнесены любые «вещи», созданные человеком в процессе его интеллектуальной деятельности. Отечественная наука и ранее пыталась расширить круг источников, содержащих в себе информацию о прошлом. Здесь особого внимания достойны опыты источниковедческих подходов к древнерусской миниатюре А.В. Арциховского (Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944) и к художественной литературе С.О. Шмидта (Памятники художественной литературы как источник

исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49). Книга Медушевской впервые подводит под эти инициативные поиски прочное философско-методологическое основание.

Объектом исследования для ученого-историка должна быть «информационная картина» прошлого. Именно она, согласно Медушевской, доступна для научного исследования. Для меня особенно важна мысль, что «конфигурация фиксированной информационной картины запечатлена вещественно и в принципе может быть воссоздана в более полном виде» (с. 73). Известно, что наибольшей «неполнотой» страдают информационные картины тех исторических эпох, система документации которых дошла до нас во фрагментированном состоянии. Информация, которую не дают нам письменные источники, например русского Средневековья, и которую историки традиционно восполняют «силой своего воображения», может быть добыта из других «вещей», в которых оказалась зафиксированной «одушевленность» людей того времени: памятников архитектуры, произведений искусства, изделий ремесла, предметов быта. Тогда историку не придется конкурировать в буйстве фантазии с писателями жанра *fantasy* и создавать никогда не существовавшие миры, а можно и нужно будет оставаться в рамках научного знания с его требованиями достоверности полученных результатов исследования.

Особое значение концепция источника – «вещи», как я полагаю, имеет для специалистов-музейщиков. Реконструкция исторического процесса в музейной экспозиции – задача очень непростая. Экспозиционерам давно уже стало очевидно, что посредством только документа, фиксированного слова прошлого невозможно это прошлое полноценно представить посетителю исторического музея. Некоторые процессы и явления культуры вообще с трудом поддаются интерпретации средствами музейной экспозиции. Особые проблемы возникают при необходимости как-то отразить в ней массовое сознание людей, мысли и чувства того пресловутого «молчаливого (а, по-сути, не молчаливого, а бесписьменного) большинства», которое, собственно говоря, и составляло население страны. Современный посетитель музея, пресыщенный вольно интерпретируемой вербальной «исторической» информацией сомнительного качества и сомнительной достоверности, которую он потребляет постоянно через посредство многочисленных и разнообразных СМИ, жаждет непосредственного контакта с подлинными вещами, предметами старины. Человек, приходящий в музей с познавательными целями, больше не желает вчитываться в длинные аннотации, вглядываться в таблицы и схемы, наполненные сведениями, «выжатыми» из учебников истории и научных монографий. Он хочет, чтобы музей предоставил ему возможность черпать аутентичную историческую информацию, преимущественно визуальную, и, в то же время, обеспечил ему условия для такого «прямого диалога» с сознанием людей, живших задолго до него. Об этом много говорилось на научно-практических семинарах, которые в течение ряда лет организовывал научно-методический отдел ГИМ, и в которых мне неоднократно посчастливилось участвовать. Людям нужна как раз та самая структурированная и развернутая «информационная картина» прошлого, о которой пишет Медушевская. Задача музейщиков – воссоздавать временно утраченные структуры, реконструировать структурные компоненты с помощью подлинных вещей, выступающих в качестве исторических источников. И значительная часть музейного сообщества готова к такой работе. Неслучайно, многие музейщики с энтузиазмом встречали звучавшие на семинарах доклады, в которых вскрывалась историко-культурная ценность произведений искусства, памятников художественного ремесла, предметов из этнографических и археологических коллекций. Теперь, благодаря работе Медушевской, весь этот материал может быть осмыслен на новом методологическом уровне.

Думается, что предлагаемая О.М. Медушевской методология исторического знания будет востребована и другими гуманитарными науками. К ней уже проявляют определенный интерес часть сообщества исследователей истории и философии религии, специалисты, занимающиеся проблемами философской и культурной антропологии. Теория когнитивной истории открывает новые пути осмысления целей и задач гуманитарного знания, поиска путей новых стратегий исследований и подходов к их реализации.

С.С. Минц: Взгляд на историю как точную науку. О.М. Медушевская о связи современного источниковедения с философским осмыслением роли истории в изучении человеческого сознания

Наука Нового и Новейшего времени сформулировала социальный заказ на историсофское осмысление истории и разработку особой области знания – науки о методах. На рубеже XX–XXI вв., как и в начале XX в., когда перед исследователями появились проблемы изучения культуры, процессов глобализации и соотношения массового и индивидуального сознания, этот цивилизационный вызов осмысливается как потребность ученых, научных сообществ и социумов в самосознании (подробнее см.: *Минц С.С. Культура и самосознание: лекции по культуро-*

логии. Краснодар, 2008). В русле такой проблематики вполне закономерно обращение одного из ведущих методологов второй половины XX – начала XXI в. О.М. Медушевской к теории и методологии когнитивной истории.

Книга О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» предлагает рассматривать феноменологию как философскую основу современной исторической науки. После крушения марксистской парадигмы это первый опыт отечественных историков по созданию целостного наукоучения, которое стало бы единой методологической основой для их эмпирических исследований.

«Теория и методология когнитивной истории» уникальна во многих отношениях. И не только потому, что она появилась на фоне того методологического коллапса, который царит в отечественной исторической науке с 1990-х гг. Книга Медушевской – труд мировоззренческого характера. Он продолжает традицию отечественной социогуманитаристики, начатую еще историками 1860–1890-х гг., по созданию принципиально новой картины мира и изменению типа гуманитарного мышления. В своем труде Медушевская создает целостную картину познаваемого мира, в которой истории отведена важная роль эмпирической науки, способной давать точное верифицируемое знание о культуре и самосознании индивидуумов, социумов и человечества в целом. Вместе с тем эта книга – свидетельство настоящего подвига ученого. В своей творческой повседневно Медушевская взяла на себя и успешно выполнила труднейшую каждодневную работу – изучая, постигая и формируя сознание других, она изменяла собственный стиль мышления, свое сознание. Со временем историческое сообщество оценит те героические усилия, которые прилагали наиболее талантливые российские ученые для того, чтобы сохранить собственную творческую индивидуальность в атмосфере обезличивающего коллективизма советского времени. Пока об этом пишут в основном в мемуарах (см., напр.: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999; *Кон И. 80 лет одиночества*. М., 2008). Ольга Михайловна ввела этот сюжет в учебный курс (Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2000. С. 93) и в свои теоретико-методологические сочинения. Метанаучный язык теоретико-методологических работ Медушевской, включая последнюю, – наследие тех лет, но не только. Язык, которым написана монография, воплотил в себе как минимум две черты. Первую – противостояние автора как историка-профессионала господствовавшему псевдонаучному языку тех историков, которые не разграничивали методологическую и идеологическую функции марксистской теории. Вторую – стремление методолога-сциентиста, ищущего пути получения достоверного знания через общенаучный системно-структурный метод, выйти на метанаучный уровень осмысления методологии исторических интерпретаций. Именно во всеобщности метода выделась Ольге Михайловне способность исторической науки находить точное верифицируемое знание, ее связь с междисциплинарностью (с. 212–213, 317–330).

Медушевская настойчиво подчеркивает системообразующую (она пишет «главную») роль философии науки в понимании профессионалом предмета исследования (с. 206). В «Теории и методологии когнитивной истории» прописывается связь философии истории и науки о методах с развитием индивидуального и массового сознания, со становлением российской идентичности. Последняя рассматривается как социокультурный феномен, базирующийся на самодостаточности русской культуры. Вместе с тем автор показывает единство общечеловеческой цивилизации и подчеркивает необходимость единства интернационального научного сообщества (с. 197–294).

О.М. Медушевская рассматривает историю как науку о человеке. Для нее такой взгляд далек от декларативности. Определяя феномен человека через его способность объективировать свою творческую деятельность в интеллектуальных продуктах и создавать систему опосредованного информационного обмена, автор использует компаративистский потенциал системно-структурного метода для выявления точек соприкосновения естественного и социогуманитарного знания. Отечественная историософия и конкретно-историческая практика настойчиво искали точки такого соприкосновения еще со второй трети XIX в., осваивая органический подход (С.М. Соловьев), историческую социологию (В.О. Ключевский), феноменологию культуры (А.С. Лаппо-Данилевский) или создавая понятие религиозности (Л.П. Карсавин). Медушевская объединяет такие поиски введением обобщающего методологического понятия «феноменологическая парадигма».

Для Медушевской неоспоримым достоинством феноменологической парадигмы является ее всеобщность, точность и проверяемость полученных с ее помощью результатов научного поиска. Она отмечает, что потребность в достоверном верифицируемом знании не всегда осознается историками в полной мере, и аргументирует необходимость создания точной научной парадигмы

неочевидностью стремления к точному знанию, но имплицитной потребностью самопознания, т.е. поиска смысла собственного существования (человека и человечества).

В «Теории и методологии когнитивной истории» содержится достаточно полная картина истории источниковедения. В ней подчеркивается роль европейского опыта (немецкого, французского, английского и итальянского) в становлении науки о методе истории. Для современного российского научного сообщества особенно важно осознать общность российской и европейской историософской мысли, связь российского источниковедения с немецкой школой наукоучения, которая стала восстанавливаться во всей своей полноте лишь с конца 1990-х гг. Книга Медушевской позволяет по-новому взглянуть на место отечественной исторической науки в развитии европейской исторической мысли.

Большое место в книге уделяется формированию науки о доказательном выводном историческом знании в рамках нарративистской, а затем и феноменологической парадигм. Медушевская выстраивает историю отечественной источниковедческой мысли, сравнивая источниковедение в его вспомогательной и специальной функциях. Она подчеркивает связь науки о методах с самопознанием, а самопознания – с историей всемирной и российской культуры, с феноменологией культуры Лаппо-Данилевского.

О.М. Медушевская дает направление будущим историкам российской школы методологии исторического исследования, складывавшейся в рамках феноменологической парадигмы (от потребности изучения истории культуры и механизмов формирования ее конкретных форм; от поисков новой психологической науки, способной описать и понять формы мышления, до системно-структурного метода постижения культуры разных социумов).

Наиболее перспективными в научно-исследовательском и образовательном аспектах можно считать подчеркнутые Медушевской системную природу феноменологии и когнитивистики, эмпиричность повидовой классификации, ее историко-культурную природу и описанные автором особенности московской школы источниковедения. Для высшей школы принципиальное значение имеют убийственная критика транслирующей модели, господствующей в современной высшей школе, и подробная характеристика той развивающей образовательной модели, которую Медушевская противопоставляет ей (с. 306–330).

Показательно, что в «Теории и методологии когнитивной истории» дана более подробная характеристика нарративистской парадигмы: к моменту создания книги она более знакома, более понятна и более изучена. О новой парадигме говорится более декларативно, поскольку одно из реальных достижений когнитивистики – описание нарративистского стиля научного мышления как системного целого. Но описание устоявшегося феномена – лишь один из шагов в сторону методологических перемен. Для современных исследователей самое сложное – не столько найти системы, которые можно изучать с помощью системно-структурного метода, сколько отработать общепризнанную систему верификации полученных знаний. Идея значения внеисточникового знания как системы проверки достоверности полученных данных, выдвинутая Медушевской, нова и не всегда понятна массовому историческому сознанию.

Выбор феноменологии в качестве основы историософии когнитивной истории не случаен, как и обращение Медушевской к образу феноменологии начала XX в. Они позволяют автору опустить массу моментов, на которые современная наука еще не может ответить вообще или отвечает пока не слишком внятно. Объявленные феноменологией конца XIX – начала XX в. врожденными идеями – способность к исследованию, тяга к творчеству, самосознанию – со временем наверняка получат (уже получают!) более развернутое научное объяснение в рамках развивающейся психологической науки и такой ее части как когнитивистика. Более осторожно относится современная наука и к абсолютности границы между миром природы с господствующей в нем непрерывностью и миром сознания с его дискретностью. Тем не менее, выделение сознания как объекта когнитивной истории, осознание мощи когнитивной энергетики познавательного процесса, содержащиеся в книге, принципиально меняют само восприятие истории и дают новый импульс ее целенаправленному изучению.

Книга О.М. Медушевской связывает воедино науку XX в. и XXI в., доказывая связь нарративистской парадигмы с мифотворчеством и противопоставляя ей феноменологический подход с его мощным потенциалом получения достоверного проверяемого и сопоставляемого эмпирического знания. Историкам предстоит приложить немало усилий, чтобы научиться понимать и получать историческое знание в контексте феноменологической парадигмы. Это совсем нетрудно, если усвоить генеральную установку, органичную для Ольги Михайловны. Все ее творчество в целом наглядно демонстрирует, что «различия между творчеством и работой, вообще говоря, не существует» (с. 65).

Обсуждаемая монография, посвященная фундаментальным проблемам философии истории (и шире – гуманитарного познания), является ответом на вызовы современного информационного общества, реалий нового информационного пространства. Быстрый прогресс информационных технологий, их проникновение во все сферы общественной жизни требуют разработки комплекса теоретико-методологических вопросов, связанных с этими процессами и их мощным влиянием на гуманитарные науки и образование.

К базовым тезисам концепции Медушевской относится роль информационного феномена в методологии познания и междисциплинарных (и над- или метадисциплинарных) принципов и подходов. Поэтому многие проблемы когнитивистики (куда наряду с другими дисциплинами, изучающими человеческое мышление, входят информационные и компьютерные науки), поставленные в последних работах Медушевской и обобщенные в монографии, чрезвычайно актуальны для такой междисциплинарной области как историческая информатика (и – шире – гуманитарная информатика). Историческая информатика, возникшая в 80-е годы XX в. «на стыке» исторической и информационной наук, с самого начала испытывает интерес к этой проблематике. Например, одним из центральных событий на XI Международной конференции «History and Computing», состоявшейся в 1996 г. в Москве, было пленарное заседание и последовавший за ним «виртуальный круглый стол», посвященные методологическим проблемам (Новая и новейшая история. 1997. № 4). В дискуссии был затронут широкий круг проблем: начиная с соотношения между историей и социальными и естественными науками (и отрицания их противопоставления по критерию идиографичности – номотетичности), возможностей и границ применения точных методов в исторических исследованиях и заканчивая более специальными вопросами, связанными с существованием двух основных подходов в развитии исторической информатики – проблемно-ориентированного и источник-ориентированного.

Теоретико-методологические вопросы, особенно связанные с информационной революцией, продолжают активно обсуждаться международным сообществом, о чем свидетельствуют многочисленные статьи в академических журналах и такие, например, обобщающие работы как History under debate: international reflection on the discipline (N.Y., 2004) или McCrank. Historical Information Science: An Emerging Unidiscipline (Medford, N.J., 2002).

О.М. Медушевская справедливо отмечает: «К теоретическому осмыслению новой информационной ситуации оказались не готовы не только представители массового сознания, но и некоторые профессиональные сообщества, и прежде всего историки» (с. 329). Однако к самой Медушевской эти слова никак не относятся. Классические философские понятия в монографии совершенно свободно связываются с терминологией информационных технологий и информационной науки: множества и подмножества, информационный обмен, информационная сеть, информационный ресурс, данные и информация, знания и информация, кодирование и декодирование информации, дискретность и непрерывность, логика предикатов и логика высказываний.

В монографии последовательно излагаются принципы когнитивной истории как гуманитарного структурного подхода к научному познанию. Принципиально важным является обозначение той огромной роли, которую в эпоху глобализации и информационной революции играет меж- и метадисциплинарный диалог, взаимодействие естественных и гуманитарных наук, системно-структурный подход (который, по мнению Медушевской, сформировал структурную лингвистику как первую точную науку среди гуманитарных дисциплин).

О.М. Медушевская подчеркивает, что на смену представлению о принципиальном различии эпистемологических подходов (номотетика – идиографика) в науках о природе и о человеке пришло стремление к познанию общих закономерностей и междисциплинарному диалогу. Конечно, существуют разные «точка соприкосновения» в этих междисциплинарных контактах, но наиболее актуальным представляется акцент на информационной составляющей.

В частности, совершенно по-новому, через понятия информационного ресурса и интеллектуального продукта определяется исторический источник. Медушевская пишет, что информационный объем интеллектуального продукта всегда значительно шире, чем намеренно транслируемый запас информации, но он требует извлечения (раскодирования). Понятия «актуальная», зафиксированная в вещественной форме, и «отложенная», требующая «актуализации» информация (с. 131–132), продолжают идеи, заложенные в понятиях «явная» (выраженная) и «скрытая» (структурная) информация, введенных И.Д. Ковальченко в связи с изучением проблемы информационного потенциала исторического источника (*Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации: (К постановке вопроса) // Актуальные проблемы источниковедения*

ния истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. М., 1979). Теоретические подходы в этой проблематике развивал в конце 1970-х гг. В.И. Бовыкин, который писал о том, что задачи изучения информации исторических источников выходят за рамки классического источниковедения и предлагал термин «информационное источниковедение» для подхода к историческим источникам как к остаткам некогда существовавших информационных систем (*Бовыкин В.И. Проблемы изучения исторической информации. (К вопросу об информационном источниковедении)* // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 23. 1998), выделения в них различных информационных слоев, оценки достоверности выраженной и отраженной информации, зафиксированной в источнике синхронно, либо ретроспективно (*Бовыкин В.И. К вопросу о закономерностях фиксирования исторической информации в письменных источниках* // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. М.; Чебоксары, 1999).

Понятие информационного ресурса в исторической информатике XXI в. становится базовым, а системный подход, который так высоко оценивает Медушевская, является наиболее адекватным в такой деятельности, которая связана с созданием общеисторических (тематических, национальных, в перспективе – глобальных) информационных ресурсов. Эта деятельность на практике реализует тот теоретический прогноз развития общества, о котором упоминает Медушевская: «Исследуя технологические перспективы информационного общества, аналитики прогнозируют дальнейшее увеличение объемов передачи данных, ориентированных на целевую, профессиональную аудиторию» (с. 330).

Актуальна для исторической информатики оценка роли метода в историческом исследовании, данная Медушевской, и ее критика нарративизма как ненаучного подхода (в частности, исключаящего альтернативность в историческом развитии). Выдвигая на первый план критерии научности, Медушевская жанру нарратива противопоставляет жанр источниковедческих исследований крупных видовых комплексов источников. Именно структурный источниковедческий метод, по ее мнению, «выводит историческую науку на уровень, сопоставимый с исследовательскими критериями верификации знания других наук» (с. 228), дает возможность точного знания, перспективу логического анализа, верифицируемости результатов исследования. Этот метод ориентирован на логически непротиворечивый, доказательный путь установления параметров информационного ресурса источника, получение выводного знания, что отвечает критериям общегуманитарного структурного подхода. По мнению Медушевской, наличие такой исторической специальности, как источниковедение, историография и методы исследования, является показателем теоретической зрелости исторической науки.

Думается, развитие идей, заложенных в работе О.М. Медушевской, может пойти и в русле подробного анализа сюжетов, посвященных операциональным, методическим и технологическим моментам, добавляющим необходимую алгоритмичность теоретическим и логическим построениям. Так, рассмотрение соотношения между констатирующим, процедурным и теоретическим (теоретико-методологическим) знанием оставляет некоторые вопросы лишь намеченными, например, ограниченность процедурного знания, которая связывается с появлением новых эмпирических данных или новых исследовательских вопросов, не является существенным препятствием применения междисциплинарных по своей природе методов исследования, о чем свидетельствуют успехи квантитативной истории в 1960–1980-х гг.

В заключение хочется привести еще одну цитату, которая демонстрирует представление О.М. Медушевской о перспективе развития теоретического гуманитарного знания, представление, с которым трудно не согласиться: «Конструктивный наддисциплинарный диалог представителей научных сообществ возможен при условии общих философских позиций феноменологии, методологии структуралистской компаративистики, источниковедческой компетентности в распознавании качества информационного ресурса, развития интерпретационных методов, анализа содержания интеллектуального продукта человеческой целенаправленной деятельности» (с. 330).

В.А. Муравьев: Историописание – нарративное и научное: О последней книге О.М. Медушевской

Давно известно: за решением проблемы рождается не менее двух новых, более глубоких и трудных проблем. Если этого не происходит, значит, проблемы и не было.

Книга О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» заведомо вне упреков. Высказанное в последние два десятилетия ею по частям приобрело в книге целостность и почти полную завершенность. От ее названной автором проблемы – «проблемы ког-

нитивной истории» (с. 7, 331) – идут несчитанные даже автором связи в мир исторических наук и гуманитарных наук в целом, от того реально проблема книги становится значительно объемнее обозначенной в названии и тексте. Размышления над вопросом о том, возможна ли эмпирическая наука истории, достижимо ли и какими путями достижимо строгое историческое знание, привели автора к мобилизации перспективных идей науки конца XIX – начала XX в. (В.И. Вернадского, Э. Гуссерля, В. Дильтея, А.С. Лаппо-Данилевского), современных «прорывных» идей гуманистики и информационных наук, опыта источниковедческих исследований той школы, в которой прошла вся ее научно-педагогическая деятельность и одним из лидеров которой она являлась. Система понятий, введенных или адаптированных и интерпретированных Медушевской (одна из наиболее «рабочих» частей книги – ее «Указатель понятий», с. 345–358), принципиально новые подходы к определениям макрообъекта исторической науки, интеллектуального продукта и его информационного ресурса, выход за привычные зашоренные рамки профессионального понятийного аппарата историка (историческая наука, историческое познание, источник, источниковедение и другое), разработанный Медушевской метод-путь от феномена человека к феномену научного познания его истории, наконец, почти невероятная при модном в последние десятилетия «полиметодологизме» концептуальная цельность этого труда – вот, вероятно, то, что в наибольшей степени формально выражает новизну этой книги. Существенно и то, что за последние 90 лет в нашей стране столь цельный фундаментальный труд по теории и методологии истории едва ли не впервые написан не философом, а профессиональным историком, обладающим большим исследовательским и педагогическим опытом.

Хотя многие идеи и доказательства, вошедшие в книгу, прозвучали ранее в выступлениях Медушевской и были известны по ее статьям, потребуется еще определенное время даже для того, чтобы отметить ее рецензиями, достойными ее концептуальной целостности – главного в этой книге. Новому теоретическому обоснованию возможности достижения достоверного знания о человеке и его истории еще предстоит быть принятым научным сообществом; особенно интересными могли бы представляться мнения философов, антропологов, психологов, психоаналитиков, специалистов в области информации, встречающихся с поворотом своих комплексов идей в специфическую и менее знакомую им область источниковедения. Мы имеем дело с прогнозируемым, ожидаемым, но еще новым и редким явлением – перерастанием междисциплинарного исследования в метагуманитарное. И если историк понимает пути смены традиционного определения источниковедения на данное Медушевской («эмпирическая гуманитарная наука, объектом которой являются интеллектуальные продукты, созданные в ходе целенаправленной человеческой деятельности, а предметом – конкретная содержательная значимость их информационного ресурса как источников для изучения человека, общества и мира в целом», с. 352), естественно представлять возможность обратного воздействия этой глубоко специализированной исторической науки на те области, из которых в источниковедение пришли и были трансформированы им идеи, концепции, методы, понятийный аппарат.

О.М. Медушевская не успела сама издать книгу, поставить последние точки. Но все же нельзя не подумать, что есть области и проблемы, в ней лишь намеченные или получившие беглые попутные примечания автора. Вернее, это и есть проблемы, возбуждаемые книгой. Одной наиболее важной из таких проблем представляется проблема «встроенности» познающего субъекта (историка) в информационную среду и в информационную систему общества: в книге эта проблема фигурирует, в основном, в облике современного «обобщенного» ученого, экзистенциального элемента системы познающего общества. Еще одна – соотношение когнитивистики с иными (но также выявленными именно в процессах познания) типами и видами причинно-следственных связей. Еще одна – смысл той цепи размышлений, которая привела от человека, растворенного в Боге (через великую идею Мирового Абсолюта, познающего самого себя посредством человека), к современному антропологизму и когнитивной истории.

Медушевской всегда было присуще умение тонко отличать науку от не-науки. С позиций, обоснованных в книге, она иначе, чем это принято большинством научного сообщества, позиционирует исторический нарратив. Последний испытывает – что многократно обосновано в трудах историков и давно гнездится латентно в сознании повседневного читателя – глубокий кризис, начало которого в XX в. датируют по-разному, но неизменно связывают с быстрой эволюцией теории и методологии познания, с одной стороны, и консерватизмом идеологических и политических процессов, с другой. Медушевская отделила «историческое повествование» от исторической науки: «Нарратив не есть научный метод исследования, ибо результат уже задан, и “ответ” задачи уже известен и не предполагает новизны или доказательности» (с. 354, 341). Это вовсе не предопределяет обреченность нарративной историографии – собственно, так вопрос ею и не ставится; стоит вопрос о месте нарратива в культуре отношения к прошлому. Нарративное

историописание (хоть и испытывающее в настоящее время кризис) явление столь же вечное, как и человеческое общество – как в силу традиции, так и в силу отмеченных Медушевской его адекватности историзму массового сознания и соответствия стремлению отнести явления прошлого к «ценностям», без чего немыслима никакая национальная, а уж тем более государственная историография (с. 16, 122), наконец, без нарративного историописания невозможна постановка исторического и вообще гуманитарного образования на его начальном и среднем уровне. Иное дело – высшее образование и подготовка к профессии: на этой стадии исторический нарратив становится анахронизмом и транслируемое образование так или иначе уступает или должно уступить место образованию развивающему, ориентированному даже не столько на процедурное, сколько на теоретико-методологическое знание. Естественно полагать, что нарративное историописание смещается в иные области – в области идеологии и художественной культуры, к которым, впрочем, оно заметно тяготело и в прошлом. Но состоявшееся признание этой ситуации влечет за собой и существенное изменение угла зрения на историю исторического знания, на место, сущность и взаимодействия историсофского, эрудиционного и художественного течений в историческом знании позднего Средневековья, Нового и Новейшего времени.

Н.А. Мининков: Когнитивная история в контексте современной культуры

Труд Ольги Михайловны «Теория и методология когнитивной истории» охватывает целый ряд актуальных в современном научном историческом познании проблем. Среди них такие, как место истории и исторического знания в современной культуре и научные основы историографии наших дней, как осознание профессиональным сообществом историков кризиса традиционного метанарратива и поиск новых форм репрезентации исторического знания, как методологические вопросы исторического исследования и особенности исторического образования в новой культурно-исторической ситуации. Но вместе с тем этот труд выходит по своему значению за рамки профессиональной проблематики. В нем затронуты вопросы, относящиеся к состоянию общественной мысли новейшего времени, к кризису европейской культуры, ярко проявившемуся в минувшем столетии. Связано это с отношением к тенденциям в сторону дегуманизации и иррационализма в культуре, к стремлению к разрыву с традициями старой культуры. Концентрированным выражением этих тенденций стало распространение в отдельных сегментах общества такого отношения к истории, которое шло вразрез с традициями европейской культуры. Носило оно ярко выраженный негативный характер. Проявлением его явились идеи крайнего скепсиса и даже агностицизма по отношению к проблеме возможности познания прошлого, задачу исследования которого история всегда ставила перед собой.

В качестве альтернативы по отношению к указанным тенденциям стали иные направления европейской культуры, в которых утверждались идеи гуманизма, рационализма и сциентизма. На этих идеях основывалась европейская культура нового и новейшего времени. Но европейская культура имела и более глубокую основу, которая восходила к христианским началам и с которой было связано присущее ей сильнейшее чувство истории. В связи с этим защита рационализма и интеллектуализма, а также истории как одной из форм существования европейской духовной культуры шла в значительной мере со стороны исторической науки. Это проявилось, прежде всего, в появлении таких крупнейших направлений западной историографии, как школа «Анналов» во Франции и интеллектуальная история в США. Как основу европейской культуры историю удалось отстоять. Однако в условиях вызова последней четверти XX в., связанного с культурой постмодернизма, идея развенчания истории как формы духовной культуры и как науки получила новый мощный импульс. Поэтому задачи «Апологии истории» и «Боев за историю», поставленные основоположниками школы «Анналов», вновь приобрели значимость. В современной российской историографии защита интеллектуальных и научных основ истории нашла выражение в идее смены моделей научного исторического исследования, выдвинутой А.В. Лубским, который указывал на возрождение за последнее время некоторых рациональных сторон научной классической историографии. Другим крупным исследованием современного состояния исторической науки, в которой решается эта задача, является монография О.М. Медушевской. Она представляет собой явление не только научной, но и культурно-исторической значимости, поскольку в ней отстаиваются основы европейской историографии и культуры с ее рационализмом, интеллектуализмом, сциентизмом и историзмом.

Выражается это, прежде всего, в том, что в центре внимания историка оказалась когнитивная история как одно из новых направлений исторической науки. Возникновение его явилось результатом формирования антропологически ориентированного исторического знания, которое невозможно без учета особенностей исторического развития мышления. К проблематике мыш-

ления постоянно обращаются историки и представители других социально-гуманитарных дисциплин. Оно шло в одном ряду с возникновением интеллектуальной истории, в рамках которой при изучении феноменов интеллектуальной жизни и влияния их на общество предполагается постоянное обращение к проблемам мышления и его особенностям в каждую историческую эпоху. В этой связи постановка Медушевской проблемы когнитивной истории имеет значение не только для современной социокультурной ситуации, но и для нынешнего уровня развития социально-гуманитарного знания, в первую очередь для самой исторической науки. Постановка этой проблемы не менее важна для изучения самого исследовательского процесса в историческом познании, для уяснения положения И.Г. Дройзена о наукоучении в исторической науке, о котором упоминала Медушевская, и, в частности, для методологии истории. Это не случайно, поскольку историческое исследование является сложным интеллектуальным процессом, в котором выразилась история мышления, рассматривающаяся в рамках когнитивной истории.

Завершенное представление о научной дисциплине дает понимание ее объекта и предмета. Объект когнитивной истории, на взгляд Медушевской, «репрезентативен самому историческому процессу, поскольку создается всегда и везде как неотъемлемая часть человеческого существования, как сама возможность выживания человечества как вида». Ее предмет составляет «само человеческое мышление как особый феномен», или «процесс, в ходе которого человеческий интеллект, функционируя, создает адекватный своему уровню продукт» (с. 128, 129). Такое понимание объекта и предмета соответствует представлению М. Блока, согласно которому предметом истории является человек. Скажем точнее – люди. В самом деле, процесс мышления, который находится в центре внимания когнитивной истории, является определяющим качественным признаком человека и общества, переживал процесс исторического развития и оказывал на ход исторических событий и явлений определяющее влияние. В условиях современной историографической ситуации, когда определенные положения исторической науки XVIII–XIX вв. вызывают повышенный интерес, когда отдельные ее концепты находят применение в исторических исследованиях нашего времени, когнитивная история способствует этому. Вместе с тем предмет когнитивной истории, связанный с исследованием процесса мышления, способствует утверждению в сознании современного историка одной из основополагающих идей эпохи Просвещения и классической исторической науки – идеи исторического прогресса. Это обстоятельство позволяет когнитивной истории играть интегрирующую роль в развитии исторической науки, соединяя в себе познавательные идеалы и достижения исторической мысли прошлого и настоящего.

Вместе с тем, как представляется, значение последнего труда Ольги Михайловны еще и в том, что он дает основание для решения проблемы места историка в культуре человечества, которая еще ждет своего внимательного исследователя. Идея когнитивной истории позволяет видеть в историке не только профессионала в позитивистском смысле, владеющего основами методологии научного исследования. Совместно с интеллектуальной историей она позволяет видеть в историке генератора общественно значимых идей, осознающего не только их место в культурно-историческом контексте развития человечества, но и понимающего особенности развития мышления, на основании которого они были выстроены и стали достоянием культуры своего времени. Когнитивная история, как и интеллектуальная история, позволяет видеть в историке не просто ученого, но и личность, профессиональная деятельность которой позволяет ей возвыситься до уровня интеллектуала своей эпохи.

А.В. Лубский: Когнитивная история как наука о деятельности человека в истории

Историческая наука в России, обретая свободу от «директивных указаний» и столкнувшись с проблемой методологической самоидентификации, оказалась на распутье: одни соблазняют ее прелестями постмодернистской вседозволенности, другие зовут «вернуться к Геродоту», третьи требуют достоверности и точности, четвертые предлагают выработать новые стандарты научной деятельности. В результате историческая наука превратилась в «мультипарадигмальную» дисциплину, в своеобразную «ярмарку» идей, где методологический сепаратизм размывает стандарты научной профессиональной деятельности. Специфика когнитивной ситуации, сложившейся в исторической науке на рубеже XX–XXI вв., заключается в том, что в историческом познании, с одной стороны, наблюдается мобилизация всего предшествующего научно-исследовательского опыта и его переосмысление, а с другой – апробируются новые методологические подходы.

Работа О.М. Медушевской, посвященная теории и методологии когнитивной истории, носит новаторский характер, ее значение для развития методологии истории состоит не только в переосмыслении таких «вечных» для исторической науки вопросов как предмет, когнитивная

стратегия и критерии научности исторического познания, но и в побуждении методологического сознания научного сообщества к постановке новых проблем и поиску нетрадиционных способов их решения.

Поднимаемые в книге Медушевской вопросы рассматриваются в русле антропоцентристского понимания исторической реальности и деятельностного подхода к ее научному изучению. В русле такого подхода «история, – как полагает автор, – есть знание о человеке, его деяниях и событиях, с которыми эта деятельность каким-либо образом связана» (с. 14). При этом Медушевская опирается на деятельностный подход в его феноменологической интерпретации, поскольку человеческая деятельность трактуется ею как проявление способов человеческого мышления. Понимаемая таким образом человеческая деятельность и должна быть, по мнению автора, в центре внимания современной исторической науки (с. 12). Переосмысливая в связи с этим предмет исторической науки, Медушевская пишет, что в ее книге «история рассматривается как наука, чей предмет – феномен человеческого мышления, человеческого познания, реализовавшего себя в ходе целостного и единого исторического процесса» (с. 17).

Такой подход к пониманию предмета исторической науки, с одной стороны, вписывается в пространство быстро развивающихся в последнее время когнитивных наук, изучающих человеческое мышление, с другой стороны, собственно для исторической науки такой подход является инновационным, поскольку «история, – как подчеркивает Медушевская, – до сих пор не раскрыла своих возможностей деятельного участия в метадисциплинарных исследовательских проектах в пространстве когнитивистики» (с. 13).

В работе О.М. Медушевской раскрываются феноменологические перспективы научного изучения человека в истории, центральным моментом которого могут стать различные модели человеческой деятельности, обусловленные разными способами человеческого мышления. Надо отметить, что в социальной философии уже предпринимались попытки разработки концепции исторического процесса на основе выделения различных способов мышления человека в истории (см.: *Оруджев З.М.* Способ мышления эпохи. Философия прошлого. М., 2004). Однако эти концепции носят трансдисциплинарный характер, а историков, как известно, в отличие от философов, интересуют конкретные исторические явления, в данном случае не столько способы человеческого мышления, характерные для той или иной исторической эпохи, сколько стили повседневного человеческого мышления в прошлом. Проблема стилей повседневного человеческого мышления открывает новые перспективы в компаративном изучении нормативных типов личности в истории. В частности, сравнивая нормативные типы в России и на Западе, нам удалось установить, что образный и синкретический стиль мышления нормативной личности в России базируется на ценностно-рациональной парадигме, а основой логического и аналитического стиля мышления нормативной личности на Западе является целерациональная парадигма (см.: *Лубский А.В.* Нормативные типы личности в России и на Западе: метафоры неоклассического стиля научного мышления // *Гуманитарный ежегодник*. 5. Ростов н/Д, 2006).

Предложенный в исследовании Медушевской деятельностно-феноменологический подход позволяет по-новому интерпретировать познавательный процесс в самой исторической науке, исходя из специфики стилей научного исторического мышления. Поскольку основой научного исторического мышления выступает рациональность, то различия в его стилях обусловлены в первую очередь особенностями того или иного типа научной рациональности (классической, неклассической и постнеклассической).

Каждая историческая эпоха рождает свои доминирующие способы когнитивной деятельности. Основным ее содержанием сегодня выступает научное познание, проблематика которого признается центральной для понимания человека и общества. На протяжении XIX–XX вв. ведущие позиции в социально-гуманитарном познании занимала история, важнейшей функцией которой было производство достоверных знаний о прошлом как историческом опыте и формировании на этой основе исторического сознания как способа приобщения к традиции. Историческое познание всегда было обеспокоено поиском истины, однако в последней трети XX в. его методологические основы были потрясены «постмодернистским вызовом», объявившим стремление к истине атрибутом мифологического сознания. В связи с этим актуальным является стремление Медушевской обосновать статус когнитивной истории как строгой науки, стремящейся к достоверности и системности научного знания. При этом в научном историческом знании она выделяет три составляющие: творческую новизну, логическую доказательность и логически представленную системность его включения в информационную картину мира (с. 15).

Надо отметить, что проблема научности исторического знания и шире – исторического исследования – является одной из наиболее трудных для разрешения в современной эпистемологии. В рамках классического подхода признается возможность выработки общезначимых крите-

риев его научности. Критики классического идеала научности исходят из того, что невозможно установить ее универсальные критерии и допускают множественность эталонов научности, в том числе и в рамках одной науки. В условиях методологического плюрализма, на наш взгляд, можно говорить лишь об атрибутивных признаках научности исторического исследования, таких как: проблемность, контекстуальность, рациональность, стремление к истине, рефлексивность, целеполагание, предметность, эмпиризм, методологизм, новизна.

В работе О.М. Медушевской в контексте когнитивной истории поднимается важный вопрос, связанный с подготовкой профессиональных историков. Она отмечает, что в современном историческом образовании доминирует нарративная логика передачи готового исторического знания, сопровождаемого оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, а усвоение. Сложившаяся модель исторического образования, как отмечает автор, не формирует «гуманитария, способного предложить новое понимание смысла проблемной ситуации» (с. 16). Действительно, господствующая в высшей школе традиционная парадигма обучения, основанная на трансляции готового исторического знания и усвоении его студентами на уровне памяти, формирует у них репродуктивно-потребительский тип мышления. В связи с этим необходим переход от традиционной парадигмы обучения к познавательной-развивающей парадигме образования, направленной на активизацию когнитивной самостоятельности студентов, развитие у них логического, критического и рефлексивного мышления, а также творческих способностей.

Ю.Э. Шустова: Когнитивная история в системе научного знания

Ольга Михайловна Медушевская в своих теоретических трудах по источниковедению в качестве центральной проблемы ставит вопрос понимания природы исторического источника как источника информации и способов его познания. Возможность познавательных механизмов, применяемых к историческому источнику, позволяет не только говорить об истории как о точной науке, опирающейся в своих познавательных инструментариях на объективные свойства исторического источника как продукта целенаправленной деятельности человека, но и о точности гуманитарного знания, основу познавательной парадигмы которого составляет работа с источниками информации. В книге «Теория и методология когнитивной истории» Медушевская показывает возможность применения источниковедческого метода в познавательной и исследовательской практике не только исторической науки, всего гуманитарного знания, но и познавательной модели современной науки как таковой, которая в современных условиях не может развиваться без осознания возможностей познавательного процесса, роли в нем субъекта познания и возможностей изучения объекта исследования через понимание природы механизма познавательных возможностей человека. Современное научное знание (науки о природе, о жизни, о человеке) не может развиваться без осознания природы познавательного процесса, в основе которого лежит гуманистическая составляющая, а значит, современное научное сообщество должно вырабатывать «общие критерии системности, точности и доказательности нового знания» (с. 16). Медушевская отмечает, что в такой познавательной парадигме историческая наука, равно как и другие науки, стремится к достижению точного знания: «История рассматривается как наука, чей предмет – феномен человеческого мышления, человеческого познания, реализовавшего себя в ходе целостного и единого исторического процесса» (с. 17).

Универсальность источниковедческого метода познания О.М. Медушевская объясняла прежде всего сквозь призму природы источника информации как объективированного продукта целенаправленной человеческой деятельности, т.е. материализованного интеллектуального продукта, обладающего константной природой и воплощающего в себе категории культуры, в рамках которой он был создан. Достижение нового и точного, доказанного и логически осмысленного научного знания возможно человеком – субъектом познания – путем создания и осознания информационного пространства, а именно овеществленного воплощения результатов научной деятельности. «Информационный ресурс, возникший в ходе исторического процесса, взаимосвязанных человеческих деятельностей, – отмечала Медушевская, – целостный взаимосвязанный информационный корпус, в котором прослеживаются коммуникации, взаимосвязи, структуры» (с. 65–66). В конструкте «объект познания – субъект познания» центральным связующим звеном является реализованный (овеществленный) продукт интеллектуальной деятельности. Именно такое понимание природы информационного пространства, доступного для осознания и познания, позволяет говорить о единой природе метода гуманитарных наук и их генетической связи в познавательной парадигме с науками о природе и науками о жизни.

Историческая наука занимает особое место в научно-познавательной среде. Когнитивная история решает прежде всего проблему возможности познания человеком другого человека,

общества. Такой подход реализуется не только в хронотопе исторической науки – «настоящее–прошлое», но и в хронотопе других наук о человеке и обществе – «настоящее–настоящее», а также в рамках временно-пространственной категории, позволяющей изучать и сравнивать разные пространственно-временные категории культуры.

Понимание особой роли исторического источника (источника информации) невозможно без осознания в новой познавательной парадигме вопросов, которые традиционно в рамках исторического знания решались вспомогательными/специальными историческими дисциплинами. Ольга Михайловна Медушевская в своих работах подчеркивала именно универсальность методов вспомогательных исторических дисциплин, позволяющих глубже понять природу исторических источников посредством осознания их универсальной роли в познавательном процессе. Вспомогательные исторические дисциплины обращаются к разработке (каждая из отдельно взятых и специально изучаемых) универсальных категорий, которые находят воплощение в овеществленном интеллектуальном продукте человеческой деятельности.

Так, метод палеографии позволяет понять природу одного из самых востребованных в познавательной практике способа познания и фиксации знания – письменного текста. Письмо – как реализованный в знаковой системе способ передачи речевой и мыслительной деятельности является одним из центральных феноменов сознания взаимосвязи речевой деятельности человека, языка как реализованного отдельной культурой способа коммуникации, творчества, реализующегося в том числе посредством письма и культуры в целом. Феномен письма как универсальной знаковой системы и феномен писания как творческого акта в рамках каждой культуры являются, подчеркивала Медушевская, универсалиями, глубоко и фундаментально связанными с природой человеческой деятельности, которые вряд ли исчезнут даже с исчезновением письменных рукописных текстов в их традиционном виде, с изменением фиксированных палеографией «внешних особенностей» овеществленных письменных информационных ресурсов. Палеография позволяет понимать универсалии отношений между словом устной речи и ее записи, ее остановленной, фиксированной формой, соотношение вербальной информации с невербальным языковым кодом письменного текста в его целом, со всеми знаковыми, технологическими, визуально воспринимаемыми особенностями его фактуры.

Палеография, изучающая феномен письма и писания, в своей основе разрабатывает метод изучения знаковых систем письма. Методы изучения разных знаковых систем разрабатывают другие вспомогательные исторические дисциплины. Каждая из них обращена к фиксированным формам одной или нескольких знаково-символических систем (геральдика, эмблематика, сфрагистика, нумизматика, бонистика, фалеристика, вексиллология, униформология). Все эти дисциплины разрабатывают методы изучения разных видов исторических источников, которые в той или иной степени отражают знаково-семиотические универсалии культуры. В основе изучения этих дисциплин – общечеловеческие универсалии, воплощенные визуальными и/или вещественными знаковыми системами, характеризующие человеческую деятельность.

В пространстве наук о человеке метод исторической хронологии выступает в качестве одного из возможных интеграционных подходов постижения общечеловеческих универсалий, с одной стороны, и методов познания природы, с другой. Время, как общекультурная универсалия, и время, как объект и субъект познания, в науках о природе в историческом контексте постигается как хронотоп, мыслимый по-разному в рамках каждой культуры, но в то же время опирающийся на объективные природные временные конструкции, которые позволяют считать и моделировать картину мира во времени. Способы счета и восприятия времени, методы структурирования времени, модели времени относятся к универсалиям, постижение которых возможно только в рамках компаративного подхода, в основе которого должно лежать понимание природы источников, сохраняющих и делающих доступными для изучения темпоральные универсалии культуры.

Также и историческая метрология, изучающая системы мер в культуре, позволяет говорить об универсальной природе мер в общесовременном процессе. Универсалии системы мер и метрологических практик являются одними из фундаментальных категорий культуры и занимают особое место в познании мира человеческим сообществом, начиная от антропоморфных метрических систем и до поиска универсальных общечеловеческих систем измерений. Все это приводит к актуализации исторической метрологии как одной из наук о человеке в условиях диалога культур и глобализации.

Таким образом, вспомогательные исторические дисциплины занимают особое место в источниковедческой научной практике, так как прежде всего обращаются к постижению общечеловеческих универсалий, реализованных в той или иной форме и имеющих системный характер. Именно такая универсальность этих систем позволяет говорить о возможности компаративных

исследований, о возможности полидисциплинарных подходов, так как именно осознание общности природы результатов человеческой деятельности, воплощенных в источниках разных видов, позволяет проводить научные сравнения разных и несопоставимых на первый взгляд сообществ, культур, ценностных систем.

Понимание природы источника как реализованного продукта человеческой деятельности, как интеллектуализированной вещи, в которой человек, «с одной стороны, фиксирует и выражает (в образе или знаке) свои идеи, и через который, с другой стороны, извлекает информацию о других людях» (с. 45) позволяет ставить и решать принципиально новые задачи в познавательном процессе в рамках таких областей знаний, которые неизбежно требуют полидисциплинарных подходов. Постигание природы источника как универсального в системе человеческого общества интеллектуального продукта, познаваемого человеческим интеллектом, дает возможность постижения ключевых универсалий человеческого интеллекта, однородных (общих) для всего человеческого рода ввиду общности его типа разумности (с. 225).

В качестве подтверждения идеи о необходимости понимания «вещественной» природы исторического источника и – шире – о материализованной природе всей информационной среды, требующих комплексных подходов в изучении предмета исследования, является стремительное развитие наук о книге. Книга – это не просто «источник знаний», но и результат целенаправленной деятельности человека, которая способна не только выступать в роли транслятора суммы определенных информационных ресурсов, но и сама выступает в роли универсальной знаковой системы в общекультурном пространстве. Не случайно такое широкое развитие во второй половине XX в. получила кодикология – методы которой позволили совершенно по-новому понять роль рукописной книги в истории культуры. Это стало возможным благодаря, прежде всего, компаративным подходам изучения технологии писания, создания и функционирования манускриптов. В последнее время новый импульс развития получают науки, изучающие печатную книгу (от инкунабул, палеотипов, старопечатных изданий до новейших форм электронных книг).

Если в кодикологии уникальность рукописи является аксиоматическим понятием, то при изучении печатной книги такой подход до недавнего времени был не характерен. Уникальным рассматривалось отдельное издание книги и только в последнее время ценность объекта изучения приобрел отдельный экземпляр книги. Это стало возможно во многом благодаря источниковедческому подходу к механизмам изучения каждого отдельного экземпляра книги, его функционирования в культуре. Именно благодаря такому подходу активно изучаются записи и пометы в книге, особенности переплета и сохранности, принадлежность к книжным собраниям. Изучение печатных изданий также невозможно без понимания технологии печатного процесса, инженерии типографского оборудования, технологии производства шрифтов, красок, способов декорирования, традиций оформления печатной полосы и механизмов создания переплета книги. Функционирование печатной книги в культуре в последнее время получило развитие в изучении не только механизмов текстологической подготовки книги к печати, редактирования и корректирования, перевода, но и в изучении читательской аудитории, читательской практики, механизмов цензурирования печатной продукции. Принципиально важным в изучении книги является понимание ее природы как «вещи»/источника, во-первых, созданного с одной стороны автором/авторами текстов разных типологий, которые она может содержать (письменный текст, визуальный текст, текст знаково-символический, цветовой и т.п.), во-вторых, изготовленного путем различных технологий (рукописных, печатных, электронных) в рамках определенных эстетических традиций, нормативно-правовых и этических правил и, в-третьих, функционирующего в читательской среде (покупка – продажа, читательская востребованность, отношение сообщества к книге и ее хранение). Такое понимание книги позволяет в том числе по-новому ее оценивать в современных архивных, музейных и библиотечных практиках с одной стороны, и по-другому оценивать роль самой книги и книжной культуры в условиях функционирования каждого сообщества с учетом пространственно-временного и культурологического дискурса.

Когнитивная история, ставящая во главу угла саму возможность понимания одного человека другим посредством объективированных интеллектуальных продуктов деятельности человека в современном научном знании, в современной информационной среде, позволяет в современном научном знании находить единые точки соприкосновения, и на основании понимания природы источников информации и четких аналитических процедур работы с ними получать новое точное научное знание. Книга Ольги Михайловны Медушевской, несомненно, поможет современному научному сообществу в этом.

В отечественной историографии в последнее двадцатилетие очевиден небывалый интерес к вопросам теории истории. И это неудивительно – исторические исследования больше не должны соответствовать «единственно верному марксистскому учению». В отечественной историографии сложилась ситуация, которая часто характеризуется как плюрализм мнений или, точнее говоря, множественности методологических подходов. Логика этой ситуации заставляет профессиональных историков провести «учет и контроль» арсенала накопленного исторического знания, определиться с надежными методами добывания знаний о прошлом. И достаточно часто встречающееся суждение, что данная ситуация характерна только для отечественных историков, иллюзорно. Это качество – эпистемологического поворота – характерно для европейской историографии в целом. Монография О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» является ответом на этот вызов современности и имеет общечеховую актуальность по ряду принципиальных вопросов методологии современного гуманитарного знания.

В последнее десятилетие активно начал развиваться такой отдел исторической науки как ее собственная история, что определяется, не в последнюю очередь, обязательностью данного курса в университетском образовательном стандарте исторических факультетов. Отнюдь нельзя этого же сказать о другом отделе исторической науки – методология истории, что объясняется аналитической сложностью этого «этажа» исторической науки. К сожалению, отечественные опыты новейшего времени, как правило, не вносят методологической ясности в этот вопрос. Можно даже сказать, что модной стала точка зрения, что «историческое знание не располагает универсальным набором методов и инструментов познания... результаты труда историка в большей степени зависят от научных, этических и моральных предпочтений». Отсюда вытекает прямой вывод: сколько историков – столько историй, «прошлое – это мир, который мы потеряли навсегда». Попросту говоря, история – это «высокое» искусство саморефлексии историка-профессионала посредством интерпретации исторических источников. Позиция Медушевской прямо противоположна такому взгляду на историческое познание и четко определена: историческая наука – это наука, добывающая «истинно строгое знание» о прошлом.

Методологическая неопределенность в отечественной историографии в значительной степени объясняется влиянием различных постмодернистских концепций западной историографии. Воистину – нет пророков в своем отечестве. В то время как опыт последних двух десятилетий делает очевидным вывод о том, что подобно тому, как великие русские писатели Толстой и Достоевский определяли лицо западной литературы рубежа XIX–XX вв., русские музыка, балет, театр задавали тон развитию европейской культуры, так и русская историческая школа являлась одной из самых развитых и передовой для своего времени. И это касается в первую очередь вопросов методологии истории и конкретно работы А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории». Надо заметить, что это его сочинение в силу разных обстоятельств находилось в забвении в течение многих десятилетий. И проблема здесь не столько в смене идейно-политических режимов, сколько (и сегодня это осознается – остро как никогда) в кажущейся сложности методологии Лаппо-Данилевского. Монография Медушевской, ученицы А.И. Андреева – сподвижника и ученика Лаппо-Данилевского, является, собственно, развитием концепции русского методолога и ее адаптацией к понятийному аппарату исторической науки начала XXI в.

Ключевым понятием методологии истории, как показывает О.М. Медушевская, является понятие «информация». Исторический источник понимается как источник информации о прошлом. Вводится понятие информационного обмена, который имманентно был присущ человеку с момента превращения его в человека разумного. Информационный обмен интеллектуальными продуктами человеческого сознания (чаще всего получающих вещественную форму) постоянно происходит как на синхронном, так и диахронном уровнях. И наше представление об этом процессе не должно заменяться новыми компьютерными технологиями – информационный обмен получил лишь небывалую скорость и новые возможности. И как сегодня миру – природа, жизнь и человек – присуще некое универсальное единство и упорядоченность, так это было имманентно присуще миру человека разумного всегда. И в этом смысле, прошлое и настоящее представляют единую информационную сферу. Отсюда и вытекает принципиальный вывод о возможности объективного знания о прошлом. Этот тезис является золотым сечением методологии истории, если только она позиционируется как научное знание. Разъяснению этой простой и очевидной мысли посвящена первая и вторая главы монографии Медушевской.

Другой важный тезис, который четко проводится в обсуждаемой монографии – тезис об универсальности научного знания. Критерием универсальности научного знания является вери-

фикация добытой информации. Общей предметной областью всех наук, как убедительно показано в монографии, выступает феномен человека, реализующего себя в универсальной стратегии творчества. Четко проведена мысль, что исторический процесс является базовым параметром для осмысления феномена человека, а история как наука – обязательным отделом всего научного «здания». Показано, что эпистемологический поворот новейшего времени позволяет преодолеть господствующее в XX в. представление о различии методологии наук о духе и наук о природе. Медушевская констатирует, что впервые данная идея была сформулирована Лаппо-Данилевским и стала базовой в его концепции. Известность сегодня получил его академический проект 1916 г. по изучению истории русской науки, в определенной степени реализованный в рамках Комиссии по изучению истории знаний под руководством В.И. Вернадского в 1921 г. Самостоятельная область наукознания обрела реальные очертания сегодня. Значимость истории в поле наукознания резко возрастает, она больше не может находиться в состоянии методологической неопределенности. Современная историческая наука переходит в новое качество и становится «зрелой наукой» (Э. Гуссерль) с развитым понятийным аппаратом, а самое главное – с инструментарием добывания надежной информации о прошлом.

Следующий аспект методологии истории, который автор монографии терпеливо и настойчиво стремится прояснить читателю – субъектно-объектные отношения процесса познания. Медушевская в разных ракурсах показывает и доказывает, что четкий и высокий профессионализм историка практически не оставляет места для субъективизма и каких-либо предпочтений. Четко поставленная исследовательская задача объективно дает историку в ходе исследования четкий и определенный ответ. Автор монографии показывает механизмы добывания точности информации о прошлом. Сложившаяся в отечественной историографии концепция методологии истории определяется источниковедческой парадигмой или соответствием видовой упорядоченности исторических источников – изучаемой эпохе. Источниковедение здесь выступает как синоним понятия методология истории. И здесь мы вступаем в область застарелого спора по вопросу: что такое источниковедение. Это комплекс вспомогательных исторических дисциплин, имеющих ярко выраженный прикладной характер – скажут многие. Источниковедение – это теория и методология истории, показывает нам Медушевская, и посвящает этому разделу исторической науки целое монографическое исследование. Большим его достоинством является привлечение внимания к становлению этой источниковедческой парадигмы методологии истории в последние тридцать лет XIX – начале XX в. в творческом наследии И.-Г. Дройзена, К.Н. Бестужева-Рюмина, В.О. Ключевского и А.С. Лаппо-Данилевского. Обоснованию источниковедческих оснований методологии истории посвящены третья и четвертая главы сочинения «Теория и методология когнитивной истории».

Но может быть самым глубоко идущим выводом работы О.М. Медушевской является вывод, который буквально ею не прописан в тексте монографии, но логически вытекает из самой идеи источниковедческой парадигмы методологии истории. Понятая таким образом историческая наука обретает «власть знания». Точная и достоверная информация (о прошлом, в частности) сразу обретает свою цену на информационном рынке, так как естественным образом включается в эмпирическую реальность и дает действенные ответы на запросы человека. В ситуации глобализации информационной сферы история объективно не сможет больше находиться в ситуации методологической неопределенности. Прошлое – это наше настоящее, оно будет иметь актуальность всегда. Смысл и назначение истории как научной дисциплины резко актуализируются в ситуации начала XXI в. Эпистемологическая революция является оборотной стороной этого процесса и ясно на это указывает. И в этом контексте Медушевская затрагивает один из самых насущных вопросов последнего времени – образовательная модель истории как университетской дисциплины. В пятой и последней главе монографии автор убедительно показывает, что нарративистский подход больше не работает и не приемлем в ситуации информационного взрыва в глобализующемся мире. В основу образовательной модели должно быть положено научение методу добывания верифицированного точного знания о прошлом, а не само прошлое – время ставит перед историком новые исследовательские проблемы, он должен знать как («know how») подступаться к их решению. Метод этот базируется в свою очередь на фундаментальной теории, основанной на критериях истинности и доказательности.

И последнее, на чем следует остановиться в предварительном обсуждении монографии Медушевской – это определение истории как когнитивной, что вынесено в заглавие всей работы «Теория и методология когнитивной истории». Это наиболее сложный и одновременно новационный аспект монографического исследования Медушевской. Автор обращается к когнитивной лингвистике в качестве успешного примера добывания точного знания о человеке среди прочих направлений гуманитарного знания. Полагаю, что вектор дальнейших теоретических исследова-

ний, намеченный Медушевской в данном монографическом сочинении, является центральным в современном развитии методологии истории. Здесь надо отметить, что в западной историографии нет столь ясно и изящно выстроенной концепции методологии истории. Работы английского историка Дж. Тоша и его французского коллеги А. Про только подступают к этой проблематике. И в завершении следует повторить основные положения концепции методологии истории, рассмотренные в работе «Теория и методология когнитивной истории»: методология истории едина и универсальна; объективное знание о прошлом на ее основе возможно; источниковедческие основания методологии истории определяются видовой упорядоченностью исторических источников; цеховое воспроизводство профессиональных историков базируется на консенсусной модели истории как науки и универсальной методологии истории.

В.М. Магидов: Когнитивная история как важнейшее теоретико-методологическое направление

Важнейшим достижением современной отечественной историографии является то, что историческое прошлое не рассматривается только в социально-политическом ракурсе; оно предстает в новой парадигме с позиций участия человека, отдельной личности в познавательной, мыслительной деятельности как в официальной, так и в повседневной жизни общества. В этом русле выполнена и книга О.М. Медушевской.

Ее выход в свет знаменует новый этап становления когнитивной истории как важнейшего теоретико-методологического направления, способного расширить наши знания о мире, а также о том, как они структурированы в процессе коммуникации. Именно этим кругом проблем, как сообщает нам автор, занимается когнитивная история, история будущего. Она базируется на междисциплинарном подходе к изучению исторических событий и фактов. Медушевская считала этот подход незаменимым и наиболее эффективным средством всестороннего познания реальной действительности.

Как отмечено в книге, человеческим интеллектом, закономерностями мышления издавна занимались логика, философия, физиология, психология и языкознание. Поэтому можно утверждать, что у когнитивистики огромная традиция, корни которой уходят в античность. Но в когнитивном ключе старые вопросы в обсуждаемой книге звучали по-новому. Оказалось, например, что разная природа реалий (вещей, явлений, событий) обуславливает их различное отображение в сознании: одни представлены в виде наглядных образов, другие – в виде символов.

Сейчас говорят о когнитивной революции. О.М. Медушевская внесла существенный вклад в ее развитие, став в ряде случаев первооткрывателем применения когнитивных знаний в изучении человеческого мышления как феномена. Используя более широкое пространство когнитивистики, автор призывает к взаимодействию наук о природе, наук о жизни и наук о человеке (среди них когнитивная психология, когнитивная лингвистика, компьютерные науки, теория информации, информационные науки, область исследования искусственного интеллекта).

Ни в коей мере не претендуя на широкий охват проблематики, затронутый в книге, остановлюсь лишь на вопросах, которые имеют особое, в ряде случаев принципиальное значение для дальнейшего развития мировой исторической науки. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это то, что в книге четко и определенно сформулировано место когнитивной истории в современной научной парадигме. Автор свидетельствует, что когнитивная история возникла на базе когнитивистики в рамках современной антропоцентрической парадигмы, существенно расширяющей горизонты исторических исследований (этот тезис, что очень важно, подкреплен большим массивом историографических рассуждений). Во второй половине XX в. обозначилась необходимость посмотреть на историю с точки зрения ее участия в познавательной деятельности человека. Полученная в ходе предметно-познавательной деятельности информация поступает к человеку через разные каналы, но предметом рассмотрения в когнитивной истории является лишь та ее часть, которая обретает отражение и фиксацию в различных независимо от видовой принадлежности исторических источниках. Опираясь этим подходом, автор убедительно показывает, как когнитивная история выходит за рамки собственно истории, соприкасаясь с логикой, психологией, социологией, философией, исторической, визуальной антропологией, что делает чрезвычайно привлекательной работу в этой области. Более того, когнитивная история и традиционная историческая наука являются не альтернативными течениями научной мысли, а разными сторонами познания исторической реальности.

Поражает своим разнообразием представленная в книге терминологическая база когнитивной истории. Речь, прежде всего, идет о формировании ее категориально-понятийного аппарата, потому что выработка метаязыка описания является первоочередной задачей науки. При этом

нужно отметить, что терминологическая система когнитивной истории характеризуется не столько новыми терминами, сколько уточненными и унифицированными терминами, уже имеющимися в других науках. Однако встречаются и новые термины, ранее не использованные в научных исследованиях, например, «информационный магнетизм» для обозначения несомненно существующей, но недоступной эмпирической проверке реальности информационной связи социума.

В этой связи представляется необходимым обратить особое внимание на указатель понятий (в нем насчитывается 71 понятие). Здесь мы встречаемся с авторским прочтением большей частью в оригинальных формулировках таких базовых понятий как «вещь» (с. 29), «вид», «видовая компаративистика», «интерпретация», «информационная картина мира», «информационная сфера», «историческая критика», «источник», «источниковедение», «когнитивная история», «нарратив», «структурный источниковедческий метод».

В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о нем, формируется некоторая модель, которая в философско-лингвистической литературе именуется картиной мира. Это, одно из фундаментальных понятий, нашло отражение в книге применительно к теории и практике источниковедческого знания. Медушевская основательно рассматривает становление научных понятий в этой области (не обходя вниманием первые попытки дать абстрагированные эталоны критического суждения историка в трудах Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, Э. Фримена). В результате проведенного всестороннего анализа, автор приходит к важному выводу, что становление истории как науки опиралось на развитие двух направлений гуманитарного знания. С одной стороны, это было расширение знаний о морфологии исторических источников и, с другой – это было формирование философских представлений о природе человека, общества и возможностях понимания места человека в системе мира в целом (с. 178). Медушевская убедительно демонстрирует свою приверженность к феноменологическому подходу, который позволяет, по ее мнению, совершенно по-новому подойти к осмыслению того огромного эмпирического материала, который уже накоплен в области исторической морфологии и источниковедения. При этом, как замечает автор, сходство и различие видов исторических документов, продуктов исторической деятельности могут изучаться как проявление их единства и разнообразия (с. 185).

Особую ценность в книге О.М. Медушевской имеют разделы, посвященные ключевым системообразующим положениям теоретической концепции автора, позволяющим историческому знанию развиваться как знанию научному. В рамках феноменологической философии эти универсалии рассматриваются на основе гипотезы человеческого интеллекта как единого феномена (с. 225). Автор задает, прежде всего, себе и своим оппонентам вопрос: возможно ли различать эмпирическую данность природных объектов, живых систем и интеллектуальных продуктов человеческой деятельности? И вполне обоснованно отвечает, что в качестве основного критерия здесь следует выделять информационный аспект. С информационной точки зрения, феномен человека – еще более высокая, уникальная система усовершенствованного информационного механизма. Дело в том, что всю информацию, которую данная живая система преобразовывает в идеи и представления, она способна сохранить (с. 259). Это наблюдение ученого чрезвычайно важно как в теоретическом, так и в практическом отношениях.

Самостоятельное значение и перспективную направленность имеет глава, посвященная историческому образованию в условиях смены парадигм, где автор показывает свое видение образа науки в образовании с позиций метадисциплинарного диалога.

Теоретико-методологические ментальные парадигмы, выявляемые когнитивной историей, сформулированные в книге Медушевской, оказали существенное влияние на развитие различных научных дисциплин и направлений. Так, например, строятся современные визуально-антропологические исследования, поставившие своей целью выявление реальных структурно-функциональных, системных связей, в рамках которых возникают продукты целенаправленной человеческой деятельности. Особенностью понятия «визуальная антропология» является тесное переплетение в нем гносеологической и аксиологической познавательных сторон. В исторической, этнографической и культурологической литературе до сих пор не существует единого мнения относительно времени появления этого научного направления. Большая часть исследователей связывает его возникновение с распространением процессов фотофонокинодокументирования (вторая половина XIX в.) как способа фиксации самобытной культуры народов, их быта и нравов, ритуалов и обычаев.

Отдавая должное роли и месту «визуальной антропологии» в формировании и развитии современного исторического знания, отметим, что складывание представлений о развитии цивилизации не может и не должно базироваться на одном, даже очень крупном, массиве исторических источников – тем более одной видовой и предметной принадлежности. Здесь без

поливидового, когнитивного и феноменологического подходов не обойтись. В научном обороте должны быть задействованы все возможные источники познания, независимо от типологической принадлежности, носителя информации и времени создания. И в этом случае визуальная антропология, основанная преимущественно на документах аудиовизуального происхождения, тесно соприкасается с другими научными дисциплинами и направлениями исторического, культурологического, философского, социологического и искусствоведческого профиля, что придает ей ярко выраженную междисциплинарную направленность.

Сегодня можно говорить о том, что визуальная антропология является одной из фундаментальных научных отраслей, которая в значительной мере обуславливает структурированность социумов и ведет к формированию в обществе более четких и аргументированных представлений прежде всего о жизни и бытовании коренных народов нашей планеты, различных поколений людей независимо от конфессиональных различий, а также различий в языке и культуре.

При рассмотрении этих вопросов важно исходить из понимания того, что в каждом обществе, подвергающемся изучению, существует своя культура, своя система ценностей и понятий, которая отражается в быту, обычаях, ритуалах и, наконец, в языке каждого народа или каждой группы людей. Именно культурные традиции каждой группы людей в совокупности выражают концептуальную систему, существующую в данном обществе, поскольку они являются частью духовной, творческой и мыслительной деятельности человека.

Другими словами, визуальная антропология вмещает в себя практически всю технологическую цепочку от замысла аудиовизуального документа до создания конечного продукта, осмысления границ его интерпретации в гуманитарном и естественнонаучном знании, а также определение его места в системе методологических парадигм XX в. Она выступает преимущественно в качестве прикладной дисциплины. Вместе с тем процесс создания продуктов визуальной антропологии, т.е. процесс документирования событий, фактов и явлений реальной действительности профиля указанной дисциплины носит ярко выраженный научно-творческий характер и сопровождается широким применением технических средств и оборудования и современной электронной техники. Нельзя не учитывать также и то, что этот процесс немыслим без использования достижений науки и техники, а также когнитивной истории.

С.И. Маловичко: Компаративизм и контекстуализм в современном историческом знании

Мне представляется важным обратить внимание участников «круглого стола» на важную черту, присущую научному историческому сознанию О.М. Медушевской, нашедшую свое отражение как в обсуждаемой монографии, так и в других ее работах. Я имею в виду практику компаративизма и контекстуализма. О компаративном источниковедении уже много писалось присутствующими здесь учеными кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института, однако значимым является не только это.

Медушевская призвала историков обращаться к изучению «синхронно действующих механизмов реальности глобального мира», пристальнее исследовать его системные связи, «способы взаимосвязи и функционирования» (см.: *Медушевская О.М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX междунар. науч. конф. М., 2008. Ч. 1. С. 32*), смещать акценты «исследований с традиционного диахронического подхода, рассматривавшего явления во времени, на синхроническое исследование системных связей исторического настоящего» (с. 25).

Слова Медушевской напоминают нам, что ранее историков интересовала «объективная», событийная история. Она представляла линейное историописание и была связана с национально-государственной историей, которая не могла способствовать изучению коэкзистенциального пространства культуры, или, как писала Ольга Михайловна, «синхронно действующих механизмов реальности глобального мира». Однако сегодня возникла необходимость изучать не историю государственного строительства, а историю человека. Историки, откликаясь на вызовы времени, приступили к поиску актуального коэкзистенциального целого человечества, пытаются изучать исторические связи между изменяющимися пространствами, сообществами и локусами. Социокультурная ситуация заставляет осмысливать мир в единстве его многообразия на основе компаративных подходов и делает необходимым поиск глокального и глобального субъектов исторического действия.

Медушевская обращает наше внимание и на то, что традиционная история – конфликтна, и в первую очередь, не могут быть не конфликтными национально-государственные нарративы, они

лишь обостряют противоречия разных нарративов, «не открывая простора для выявления общечеловеческих параметров исторического процесса» (с. 16–17). С этим утверждением историка надо согласиться, ведь предлагавшаяся европейской классической историографией модель государственно-национальной истории позволяла немецким, британским, французским, русским и другим авторам использовать историографическую практику тотального присвоения истории одному народу или имперскому духу. К сожалению, в российской историографии в последние годы конфликтный потенциал не только не ослабевает, но еще более усиливается. Заметно желание господствующих властных структур заново сформировать набор исторических отношений между национальными, государственными и глобальными пространствами старыми приемами, использовавшимися еще в XIX в. Особенно это заметно в современной практике контроля власти над созданием новых учебников по истории России. Читателю государственной истории (а им чаще всего является школьник и студент) предлагается лишь пассивная работа – потребление готовой информации об исключительности их народов-государств и враждебности, якобы присущей странам-соседям, а также стратегическим соперникам.

Ширящееся число исторических исследований превратило прошлое во множество миров. Лишь влияние массового исторического сознания позволяет нам говорить о некоем общем прошлом. Прошрое, в действительности, стало путаницей, мульти-прошлым, зависимым от разных идеологических перспектив, интерпретируемым разным инструментарием, подгоняемым под разные шаблоны, выработанные несколькими десятилетиями историографических школ.

Следует присоединиться к тем, кто справедливо признает, что само государство как субъект истории совсем отрицаться не может, но его изучение должно проводиться в широком контексте (которого не знала национально-государственная история) – это культурный контекст и историческая компаративистика. О.М. Медушевская также считала, что «парадигма истории как строгого знания открывает путь для новых интерпретаций, для исторической компаративистики, для исследования общих механизмов, порядка вещей реального мира и познавательных инициатив человеческого разума» (с. 16–17). Остается добавить, что только в рамках «экстравертной», открытой модели исторического знания возможно представление о коллективной истории; только в рамках такой модели возможно формирование исторической памяти, в которой базовые конструкторы национальной идентичности покоятся не на конфликтах, а на диалоге.

Практика широкого контекстуализма должна учитывать взаимосвязь окружающей культуры и текстов, «внешнего» и «внутреннего». Подобный опыт уже накапливается. В качестве ответа этноцентризму оформилась мировая (компаративная) история, в конце XX – начале XXI в. в историографии все чаще стали говорить о глобальной и транснациональной, а также о новой локальной историях. Несмотря на разницу в рамках и объектах исследования, эти направления имеют важный объединяющий принцип – субъект исторического действия, не тождественный государству.

Уже становится определенным жанром компаративная историография. Она обращает внимание на историографическую типологию; помогает изучать теоретические вопросы историографии в пределах от общего и философского до частного и эмпирического. Возможности компаративной историографии используются как в изучении дискурсивных приемов, как в рамках европейской историографической традиции, так и отдельных уровней исторического знания, а также типов исторического письма в национальной историографии.

Разговор об исторической компаративистике и контекстуализме должен учитывать еще одну важную проблему актуальной социокультурной ситуации – это кризис классической европейской модели образования. Зародившаяся в эпоху Просвещения с ее культом разума и знаний, сначала национальная, а затем и государственная история были встроены в эту модель образования и они не могли обойтись друг без друга. Сегодня европейские, в том числе российские, и американские образовательные структуры все больше манифестируют задачи построения постклассической образовательной модели. Медушевская, поднимая вопрос об историческом образовании в условиях смены парадигм, замечает, что «при подготовке современного историка-специалиста первостепенное значение приобретает его способность к практическому применению методов исторической (в своей основе источниковедческой) компаративистики, что необходимо в условиях противоречивого становления глобального мира. Данный подход опирается на понимание общих универсалий, историко-антропологических основ человеческой деятельности» (с. 196).

Слова Ольги Михайловны вполне солидарны с выводами специалистов в области философии образования, которые замечают, что новая парадигма образования должна производить специалистов, чувствительных к культурному и социальному разнообразию. Большая роль в этом процессе отводится гуманитарной составляющей современного образования, которая обя-

зана помогать идентифицировать «свое» вместе с «другими», прививать ценности, помогающие видеть в других культурах не «случайные недоразумения» и потенциальных врагов, а подтверждение многоликости человечества.

А.А. Лукашевич: Маргиналии: некоторые наблюдения над эпистемологическим контекстом феноменологической концепции О.М. Медушевской

Монография О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории», содержательная и новаторская, требует от читателя определенной теоретико-методологической подготовки. Учитывая то, как построено историческое образование, не трудно представить, с какими сложностями сталкивается при ее чтении студент или выпускник исторического факультета, особенно воспитанный в духе марксистской методологии. Очевидно, ему придется не раз перечитать книгу и как при строительстве дома прежде возводят вспомогательные конструкции-леса, делать на полях заметки.

На мой взгляд, содержание исследования изложено феноменологически, т.е. читателю дана возможность наблюдать развертывание концепции в логической последовательности, очищенной от разнообразных наслоений проблем, понятий конкурирующих идей. Этому служит и указатель авторских формулировок понятий в конце текста. Представлена концепция как таковая, непосредственно и без предпосылок. Однако стремление освободиться от стереотипов, предвзятости воспринимается как антиисторизм. Для историка – это непривычное чтение. Для него история вопроса – не просто генеалогия, а одна из форм доказательства. Популяризатор постмодернизма К. Харт советовал, если при чтении работы возникает чувство потерянности от сложности предмета или изложения, то нет лучшего способа вновь ощутить почву под ногами, чем задать вопрос: кто или что выступает в данном случае в роли врага? Отечественный читатель, особенно старшего поколения, готов последовать этому предложению, поскольку марксистская историография полемична. Автор не называет тех, с кем дискутирует, потому возьмусь провести некоторые сопоставления проблем.

Характеризуя смену парадигм в историческом профессиональном сообществе XX–XXI вв., автор отмечает общий вектор движения – от традиционалистской нарративистской парадигмы, к новой, феноменологической, источниковедческой по ключевой позиции. Причем последняя направлена на обоснование истории как истинной науки. Ее важнейшим методом познания является феноменологический системный подход.

Возникает вопрос, а марксистская историография не преследовала цель сделать историю наукой? Труды ее творческих представителей, таких как И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, не являются вкладом в развитие социально-экономической тематики истории феодальной России? Сегодня ощущается дефицит таких работ, на что обратил внимание А.Б. Каменский. А их вклад в развитие источниковедения? В монографии Ковальченко «Методы исторического исследования» довольно подробно рассмотрены системный подход и системный анализ, историко-системный метод. Результатом его применения является структурная модель аграрного рынка России. Однако в марксистской методологии структурно-функциональный подход не является краеугольным в изучении объекта исторической науки, поскольку сам по себе он не обеспечивает научной обоснованности выводов. Все зависит от исходных методологических установок, от того, что выдвигается в качестве системы, какие компоненты выделяются в ней. Наконец, признается единство структурности и развития социальных систем, наличие двух планов общественной жизни – структурного и генетического. Системный подход находится в подчиненном к диалектическому методу положении. В чем же различие феноменологического системного подхода от марксистского, не выплеснули ли вместе с водой ребенка?

Рассуждая о философских основаниях исторической науки, Ольга Михайловна сосредоточила свое внимание на неокантианстве и феноменологии, а вот возможности герменевтики использованы меньше. Она считает, что герменевтика не располагает возможностью нового подхода к проблеме истолкования иной культуры, поскольку остается в рамках традиционного соизмерения чужого сознания, чужой системы: понимания с помощью его сравнения с собственным сознанием. В результате невозможно отграничить сознание чужое от сознания интерпретатора. Путь к чужому сознанию оказывается неочевидным.

Другого мнения придерживается Х.-Г. Гадамер. Он признает непреодолимость историчности позиции исследователя научной методикой. Как, впрочем, В.И. Ленин, К. Поппер. Десубъективизация исторического познания невозможна. Интерпретатор изначально укоренен в традиции, тем самым свобода познания не только ограничивается, но одновременно становится возможной. Понимание рассматривается им не как конгенность, а как причастность интерпретатора и

автора текста к общему для них смыслу, общему историческому способу бытия. Потому постигая, сознание должно требовать пред-понимания, всегда присутствующего в исследовании, когда мыслится серьезная «научность». Оно организует исследование, определяет состав «вопросника», с которым историк обращается к источнику. Игнорирование данного обстоятельства может привести к тому, что в нем будет прочитано то, что вложил в него сам исследователь. Принципиально важно оставаться открытым к другим интерпретациям, что позволит обнаружить свои предрассудки, а также инаковость смысла текста. Осмысление источника опосредуется современностью, поэтому является одновременно и репродуктивным и продуктивным.

Гадамер ставит вопрос о границах научного метода в понимании и истолковании истории. Он неизбежен, если размышлять о становлении истории как науки. Кроме того, использование только научных методов, полагает философ, еще недостаточно для гуманитарного познания. Следует выяснять соотношение научных методов с возможностями искусства, религии, этики.

Философская герменевтика стремится преодолеть дихотомию субъекта и объекта. Тем самым, она становится источником неклассической эпистемологии, ставит под вопрос возможность трансцендентальной редукции – одного из важнейших положений феноменологии.

Таковы мои первые впечатления о прочитанной книге, к которой, безусловно, еще вернуться.

Г.Н. Ланской: Методология будущего исторического знания

Развитие гуманитарных наук является одним из наиболее консервативных направлений в рамках организации исследовательской деятельности. Данная черта выглядит, на первый взгляд, весьма парадоксальной, потому что в центре внимания данной группы наук должна оказываться многообразная по своим проявлениям личность человека. Однако в течение длительного времени в рамках отечественной историографической традиции внутреннее богатство человеческого поведения, его культурная насыщенность практически не учитывались, что было специфической чертой советской исследовательской практики и обозначало ее кардинальное расхождение с той парадигмой научного творчества, которая была характерна для лучших произведений российской исторической науки XIX – начала XX в.

Фундаментальное методологическое значение книги О.М. Медушевской заключается в том, что она провела непосредственную и прерванную событиями октябрьской революции 1917 г. связь между сложившимся в России дореволюционного периода опытом историко-гуманитарных исследований и той моделью исторического познания, которая должна сформироваться в целях получения точного гуманитарного знания. Успешному решению данной исследовательской задачи способствовало создание и последовательное обоснованное раскрытие образа когнитивной истории.

Залогом продуктивности проведенной работы стало происходившее на протяжении последних десятилетий систематическое обращение Медушевской к содержанию тех историко-методологических концепций и подходов, которые отличались большим творческим потенциалом по сравнению с замкнутой в ленинско-коммунистическую оболочку марксистской концепцией. Речь в данном случае идет о научном наследии школы «Анналов» и о фундаментальных исследованиях российских ученых рубежа XIX–XX вв., среди которых выделялись теоретические и конкретно-исторические труды А.С. Лаппо-Данилевского, характеристике и популяризации содержания которых Медушевская посвятила свои многие, последние по времени издания работы.

Думается, что значение этих творческих усилий, практически единодушно признаваемое сегодня, будет все более ощущаться в будущем, поскольку приоритетное внимание к глобальным социальным процессам, к закономерностям группового поведения людей в своем сложившемся виде неизбежно исчерпает себя. Очевидно, что на макроуровне взаимодействия общества и социальных институтов, в сфере образования договорных связей и масштабных конфликтных ситуаций между общественными группами в изучении истории различных стран и народов (например, истории России) произойдет сужение непознанного пространства. Следовательно, после изучения на первичном (массовом) уровне основных тенденций исторического процесса специалисты перейдут на так называемый «микроуровень» своей познавательной деятельности, где от них потребуются углубленное изучение многочисленных фактов прошлого. Каждый из этих фактов – результат целенаправленной осознанной человеческой деятельности, проявление культурно-феноменологической индивидуальности сформировавшейся и ищущей для себя сферу самореализации личности.

Поэтому в условиях обозначенной и вполне закономерной тенденции развития научного творчества любое социальное знание неизбежно преобразуется в гуманитарное знание. В противном случае возникает ситуация познавательного застоя, при которой в течение длительного

времени могут вестись схоластические и творчески бесплодные дискуссии о давно введенных в научный оборот понятиях.

Возможные пути выхода из подобной кризисной ситуации отчетливо очерчены и продемонстрированы в обсуждаемой монографии. В ней убедительно показано, что при отсутствии смены парадигмы историко-методологического мышления (результатом которой, согласно представляемой концепции, является внедрение когнитивно-исторического подхода) развитие представлений о различных конкретных явлениях прошлого может обеспечиваться только экстенсивным путем расширения объема изучаемых источников по определенной тематике. Именно по такому пути развивалась советская историография в период, последовавший за разоблачением последствий и, в частности, теоретического наследия эпохи «культа личности» И.В. Сталина. В это время наиболее профессионально ориентированные специалисты придавали основное значение архивной эвристике – поиску и исследовательскому освоению ранее неизвестных документальных фондов.

Между тем, концентрация исследовательской практики либо на описании частных по своей значимости явлений и фактов, либо на осмыслении исключительно глобальных по своему масштабу социальных (производственных, политических) процессов неизбежно приводит к сужению достигаемых исследовательских результатов. Речь в данном случае идет, прежде всего, об объяснении причин происхождения и специфики исторических событий. Обращение к личностным качествам людей, как к источнику каждодневно совершающихся событий в жизни различных народов, стало той методологической задачей, которая была принципиально обозначена О.М. Медушевской как в монографии «Теория и методология когнитивной истории», так и в ее предшествующих исследованиях. Следует отметить, что определенный пересмотр эмпиризма и одновременно социологизма советской историографической традиции не имел в данном случае маргинального, поверхностного с научной точки зрения характера, которым грешили, на наш взгляд, многие историко-философские работы второй половины 1980–1990-х гг. Подобная публицистичность, характерная для данного периода научной жизни в СССР и затем в России, приводила к тому, что многие (в том числе, издававшиеся в РГГУ) исследования оригинального и изначально ценного по замыслу содержания отличались внутренней качественной неоднородностью содержания (например, книга «Советская историография»). Медушевская, являвшаяся соавтором многих из этих исследований, всегда повышала их исследовательский уровень именно благодаря отсутствию обозначенной маргинальности и поверхностности.

В ее исследованиях, как и в рассматриваемой монографии, сочетается склонность к глубокому теоретико-методологическому новаторству и в то же время пристальное внимание к источнику как к продукту целенаправленной человеческой деятельности. Такое сочетание было и оставалось даже в самые сложные в идеологическом отношении времена характерной чертой научно-педагогической школы кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Традиции ее развития в советский период, предполагавшие гармоничное сочетание теоретических и эмпирических методов анализа исторических источников, сохранялись во многом благодаря усилиям Медушевской, которые не прекращались в условиях господства марксистско-ленинской теории и еще более активизировались в также непростой для профессионального научного творчества постсоветский период.

Переходя от оценки теоретических достоинств когнитивно-исторического подхода к характеристике значения размышлений Медушевской об особенностях и, более конкретно, о культурно-феноменологических свойствах исторических источников, нам представляется полезным сосредоточить внимание на возможностях эффективного применения черт данного подхода к изучению источников по истории исторической науки. В данной предметной области особенно остро ощущалась ущербность социально-классового подхода. По нашему мнению, оценка этого комплекса источников, включающего в себя научные и научно-публицистические труды, была одним из наиболее слабых мест в творческом наследии М.Н. Покровского и ряда других авторов, обеднявшим и снижавшим ценность их зачастую незаурядных работ.

Когнитивная история, как предметная область интеллектуального и эмпирического творчества, дает возможность иначе взглянуть на специфику происхождения источников по истории исторической науки и на возможности объективной интерпретации их информационной значимости. Изучение книги «Теория и методология когнитивной истории» с точки зрения конкретно-источниковедческих аспектов ее содержания позволяет сделать вывод о том, что одним из ее принципиальных положений является моделирование ситуации адекватного информационного обмена между создателем и читателем источника. Между ними должно сложиться хотя бы на временном уровне единство сознания, зародиться возможность герменевтического диалога. Только в этом случае окажется реальной перспектива получения точного гуманитарного знания,

во-первых, об интеллектуальном своеобразии автора источника и, во-вторых, о степени адекватности интерпретации этим автором объектов и свойств исторической действительности.

Надо подчеркнуть, что сама методика исследования научных и литературно-публицистических произведений исторического содержания формировалась в отечественной и зарубежной традиции интеллектуального творчества в течение весьма длительного периода. В дореволюционной и советской России процесс становления этой методики находился под сильным, устойчивым и далеко не всегда плодотворным влиянием либо официально принятой, либо оппозиционной идеологии. Такое влияние создавало предпосылки для формирования у многих историографических очерков критического и далеко не всегда конструктивного содержательного настроения.

Ситуация информационного обмена и тем более единства сознания, которую моделировала и к возникновению которой призывала Медушевская, не возникала. Интерпретатор ранее написанных исторических сочинений выбирал для себя в ситуации идеологического антагонизма позицию не собеседника, а судьи. Подобная ситуация была в равной мере характерна и для трактовки многих произведений русской дореволюционной историографии, и для выработки в 1990-е гг. нового восприятия наследия советской историографии.

В связи с утвердившимся на протяжении многих десятилетий идеологическим детерминизмом в восприятии источников по истории исторической науки тезисы и наблюдения, высказанные в монографии Медушевской по проблематике теории источниковедения, могут с полным основанием рассматриваться как не преходящие по своему значению. Конечно, социальные факторы, к числу которых относятся специфика общественного запроса на исследования определенной тематики и потенциальный уровень востребованности тех или иных трудов и концепций, играют свою роль в организации мышления и творчества различных авторов.

Однако при этом совершенно очевидно, что создание исторических сочинений, фиксация на их страницах определенных интерпретаций прошлого – это в высшей степени индивидуализированный процесс. Он обусловлен тем, как конкретный автор сформировал свой гражданский, творческий и моральный выбор. Задача профессионально состоятельного источниковедческого исследования заключается в том, чтобы понять, опираясь на широкий комплекс эмпирических сведений, сущность и мотивацию происхождения этого выбора. В данном случае, также как, например, по отношению к историческим кино- и фотодокументам, когнитивный подход может оказаться едва ли не единственно возможным средством объективного анализа и интерпретации источников.

Большое внимание в книге О.М. Медушевской уделено проблеме сочетания профессиональной научной деятельности и практики профессионального образования в сфере теории и методологии истории и источниковедения. Авторские наблюдения в этой предметной области сконцентрированы, на наш взгляд, вокруг двух основополагающих и взаимосвязанных тезисов. Первый из них определяет необходимость формирования четких методологических ориентиров у начинающего исследователя. Второй устанавливает абсолютно необходимый приоритет гуманитарного образования над социально-практической подготовкой в рамках классического университетского образования.

Именно сочетание этих тезисов указывает на их новаторские черты по отношению к утвердившимся, зачастую стереотипным дидактическим подходам, поскольку методологической формализацией отличалось и советское историческое образование, а гуманитарная отвлеченность была представлена в виде схоластических методик в период средневековья. В концептуальных размышлениях Медушевской речь идет, как представляется, о формировании специалистов с широким творческим кругозором и в то же время с готовностью правильно подобрать ключи к пониманию содержательной глубины источника и личностных качеств автора, обеспечивших тот или иной уровень данной глубины. На наш взгляд, отечественной исторической науке еще предстоит пройти определенный путь к постижению и, главное, к реализации представленных в книге Медушевской методологических, теоретических и практических рекомендаций. На нем будет важно преодолеть известные накопившиеся трудности в виде стереотипности, телеологичности и нередко встречающейся антагонистичности профессионального мышления. Однако уже сейчас во многом новаторский подход, сформулированный Медушевской, может быть успешно синтезирован с доказавшими свою продуктивность теоретическими и методологическими достижениями мировой исторической науки.

Я очень признательна организаторам «круглого стола» за то, что они пригласили меня принять участие в этом мероприятии. Мне посчастливилось познакомиться с О.М. Медушевской во время моих поездок в Москву на конференции, которые проводились кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, а книга «Теория и методология когнитивной истории» интересует меня потому, что я сама на протяжении многих лет занималась вопросом о роли исторических источников в исторических исследованиях. Хотелось бы поделиться некоторыми соображениями, возникшими у меня по прочтении обсуждаемой книги, а также привести ряд суждений польских теоретиков исторической науки по затронутой Ольгой Михайловной теме.

Сегодня общепринято отождествление истории и исторического знания, или, говоря словами Медушевской, «история рассматривается как наука, чей предмет – феномен человеческого мышления, человеческого познания, реализовавшего себя в ходе целостного и единого исторического процесса» (с. 17). Целью ученых, работающих в исследовательском поле исторической науки, является историческое познание, включающее в себя познание не только исторических фактов, но и (прежде всего) процессов и явлений, имевших место в прошлом. Именно на такой основе у человека формируется мышление, в нашем конкретном случае – мышление историческое. Медушевская указала на это, отметив, что «историческая наука по характеру своего объекта может и должна быть наукой об историческом мышлении» (с. 24). И далее: «Цель мышления – познание смысла, соединение представлений о законах окружающего мира с представлениями о собственных возможностях существования в нем» (с. 139). Основной реализацией исторического мышления является получение знания о прошлом и оперирование наличными сведениями. Такое мышление предполагает не просто интеллектуальную активность, не просто упорядочение фактов и составление из них целостного образа прошлого, но и наблюдение за изменениями в структуре исторического процесса. Основными операциями исторического мышления являются анализ и синтез. Оно охватывает, среди прочего, сравнение, выявление различий, осознание специфики, обобщение, обнаружение системных закономерностей и построение заключений, так что все эти фундаментальные навыки могут формироваться на основании исторического материала. Необходимо, однако, помнить, что наилучшие результаты при формировании исторического мышления дает не простое освоение фактографии в готовом виде, а активная, творческая позиция по отношению к изучаемой действительности. Историческое мышление – это мышление динамичное, его носитель должен осознанно относиться к происходящим изменениям, а в собственной деятельности принимать во внимание сложившуюся историческую ситуацию. Мышление и деятельность такого человека охватывает все стороны жизни, в том числе политику, экономику и культуру. Создавая тот или иной целостный образ мира, носитель исторического мышления обращается к своему сознанию, т.е. к знанию об окружающем мире, а также к системе ценностей, существующей у него лично (или в социальной группе, к которой он принадлежит), и к вытекающим из этой системы нормам поведения. При этом понимание предыстории сложившихся отношений позволяет человеку смотреть на прошлое с перспективы сегодняшнего дня и, одновременно, воспринимать современность исторически, а универсальное видение мира обеспечивает восприятие исторического процесса с общечеловеческих, а не узкогрупповых позиций. Отсутствие перспективы, поверхностное восприятие происходящего сплошь и рядом приводят к формированию ложных суждений и оценок.

Из вышесказанного следует, что для формирования исторического мышления равно значимы как степень развития специальных знаний и умений, необходимых исследователю прошлого, так и человеческая позиция ученого или простого читателя (потребителя готовой/систематизированной исторической информации). Медушевская совершенно справедливо отметила, что говорить об историческом мышлении можно только тогда, когда мыслящий субъект самостоятельно осуществляет историческое познание через «интеллектуальный продукт» (с. 19) и знает на собственном опыте, что «любой продукт человеческого творчества открывает перед другим человеком свой информационный ресурс» (с. 53). Историческое познание может быть непосредственным, основанным на наших собственных памяти и наблюдениях (например, осмотре орудий труда или захоронений), либо опосредованным, опирающимся на память других лиц (в частности – очевидцев) или же на свидетельство источников, письменных и неписьменных. Именно на основании источникового материала устанавливаются факты. По мнению польского теоретика исторической науки Е. Топольского, историческим познанием может считаться всякое познание прошлого, осуществляемое на основании установленных

фактов и сконструированного историком нарратива (*Topolski J. Metodologia historii. Warszawa, 1973. S. 292*).

Оставим в стороне вопрос об определении исторического источника и проблеме их классификации (эта проблематика подробнеем образом рассматривается в главе 3 обсуждаемой книги, названной «Источниковедческие стратегии»). Обратимся непосредственно к работе с историческими источниками, именуемой также их «критикой». На этапе внешней (эрудиционной) критики мы исследуем обстоятельства создания источника, оцениваем его аутентичность и подлинность, а также определяем время и место возникновения источника и личность автора. После ознакомления с содержанием источника мы переходим к внутренней критике (герменевтике), или интерпретации. Желая установить степень достоверности изучаемого текста, мы должны, среди прочего, определить, были ли искажения истины допущены сознательно, а также определить собственное отношение пишущего к излагаемым событиям (если таковое имелось). Последнее становится особенно важным тогда, когда автор источника прибегает к оценочным категориям. Здесь нам приходят на помощь наблюдения Я. Пузыниной, которая предлагает определить, что значит давать явлению определенную оценку, кто дает такие оценки, что является объектом оценки, для кого данный объект является ценностью, является ли встреченное выражение чисто оценочным (а точнее говоря – прежде всего оценочным), или описательно-оценочным, так что функция оценки является для него вторичной, к каким сторонам принятой аксиологической системы обращается обсуждаемое слово, является ли оно эмоционально нагруженным, какова интенсивность выраженной в нем эмоциональной оценки, а если речь идет об описательно-оценочном выражении, то чем задается оценочная составляющая – словарным значением или коннотациями (*Puzynina J. Język wartości. Warszawa, 1992. S. 9*).

Исторические источники не «отражают» ушедшей действительности и не являются ее «следами». Их необходимо исследовать, добывая информацию о прошлом, и только на основании так полученной информации, с привлечением внеисточникового знания и при постоянных отсылках к принципам научного профессионализма, может быть сконструирован исторический нарратив. Историк сознает, что доступные ему источники субъективны. О.М. Медушевская задается вопросом, «в какой мере создание интеллектуального продукта можно считать адекватно представляющим человеческое мышление, внутренний мир человека, который в принципе остается ненаблюдаемым» (с. 65). Здесь следует воспользоваться советами Е. Топольского, по мнению которого при интерпретации текста необходимо принимать во внимание три тесно переплетающихся уровня – логико-грамматический (или информационный), уровень воздействия (или риторический) и теоретико-идеологический (или направляющий) (*Topolski J. Problemy transmisji wiedzy historycznej w edukacji szkolnej // Wiadomości historyczne. 1996. N 3. S. 152–155*). Историк необходимо учитывать не только то, о чем в источнике говорится, но и то, о чем автор умалчивает, недоговаривает, а далее задуматься о причинах такой позиции. Историк обязан быть подозрительным и недоверчивым к декларациям. Кроме того, следует оценить отношение пишущего к излагаемым событиям. Ключевая роль в восприятии знания о прошлом, исходящего от источника, принадлежит самому адресату-читателю. Е. Топольский противопоставляет два типа читателей – семантических (т.е. наивных) и семиотических (т.е. подходящих к тексту критически). Наивный читатель ограничивается так называемой семантической интерпретацией, иначе говоря – воспринимает текст в его буквальном значении, тогда как читатель вдумчивый сопровождает семантическую интерпретацию анализом содержания текста. При интерпретации текста (в том числе и исторического нарратива) следует принимать во внимание, с одной стороны, интенцию произведения и автора, а с другой – интенцию читателя. Только рассмотрение читательской интенции, т.е. того, что читатель готов увидеть в тексте и чего от него ожидает, наравне с интенцией произведения и автора, создает определенное интерпретационное целое, и именно это имела в виду Медушевская, когда написала, что «необходимо подробнее остановиться на фундаментальных проблемах формирования интеллектуального продукта, с одной стороны, и интерпретации информации, которая в нем сохранена, – с другой» (с. 50).

И. Курч обратила внимание на то, какое значение для интерпретации текста имеет проблема воплощенных в нем стереотипов, которые позволяют редуцировать лишнюю для читателя информацию, а с другой стороны – восполнять возникающие пробелы (*Kurecz I. Procesy pamięci // Psychologia / red. T. Tomaszewski. Warszawa, 1975. S. 28–29*). Стереотип может сформировать своеобразные «этикетки» и «ярлыки», что, в частности, становится почвой для развития негативных ассоциаций и предубеждений, которые подчинят себе интерпретацию текста. В такой ситуации необходимо сопоставлять данные источников с внеисточниковыми фактами, а также выявлять скрытые смыслы изучаемого текста. Полезно также знать стереотипы изучаемого периода, региона или социальной группы, поскольку это помогает восприятию источника и про-

чтению авторских аллюзий. Ознакомление со стереотипами прошлого необходимо потому, что, как написала Медушевская, «каждый интеллектуальный продукт несет в себе, с одной стороны, отражение целеполагания создавшего его автора, и с другой – отражает ту общую картину мира, то информационное пространство, в которое данный продукт органично вошел после его создания» (с. 55).

Историк не изучает прошлое как нечто, существующее вне его в готовом виде. Напротив, исследователь с самого начала создает нарративный образ своего объекта. По мнению Е. Топольского, прошлое не поддается ни «отражению», ни «реконструкции», а «если невозможно ни “отразить”, ни “реконструировать” прошлое, то не остается ничего, кроме как конструировать это прошлое в рамках нарратива» (*Topolski J. Wprowadzenie do historii. Poznań, 1998. S. 12*). В своем конструировании прошлого историк зависит от источников, внеисточничкового знания, а также от требований метода. И именно на эти аспекты обращает внимание О.М. Медушевская, когда отмечает, что «при работе с текстом читатель руководствуется своей картиной мира, он ищет и находит известное и ожидаемое, он распознает привычные образы, конструирует “повторяемости” и сходства» (с. 234).

Содержательному обсуждению вопросов исторического образования и методики работы с источником посвящена глава 5 обсуждаемой работы, названная «Историческое образование в условиях смены парадигм». Автор указывает на необходимость переоценки и видоизменения принятой в сегодняшней высшей школе образовательной модели, и с этим я полностью согласна. В то же время, на первых страницах своего труда Медушевская утверждает, что в современной школе «история преподается не как наука или научный метод, но как набор достигнутых знанием утверждений, сопровождаемых оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, но на усвоение» (с. 16). С этим я, к сожалению, не могу согласиться. Так, как пишет Медушевская, было «раньше», во времена Советского Союза и «народной демократии» в Польше, т.е. в тот период, когда историческое образование, основанное на обучении самостоятельному мышлению и критическому отношению к источникам информации, рассматривалось, как минимум, не всегда позитивно. Сегодня основной акцент делается на современный подход к историческому образованию, целью которого (как и исторической науки в целом) является ознакомление школьников и студентов с сущностью прошлого, то есть с историческими фактами. В Польше, особенно начиная с 1999 г., когда началась реформа образования, огромное внимание уделяется тому, чтобы в процессе обучения формировались не только «знания», но и «умения». Одним из способов обучения является самостоятельное получение знания путем совершения собственных «открытий». Немалую роль в реализации поставленных образовательных задач играют исторические источники. Непосредственная работа с историческим текстом формирует у обучающихся навыки самостоятельного извлечения новых сведений, не представленных напрямую в школьном или университетском учебнике; основой при этом служит именно источник. Работа с источником позволяет развивать навыки критики источников, а также верификации полученных знаний.

В 1990-е гг. я специально исследовала воздействие исторических текстов на развитие исторического мышления (*Maresz T. Wpływ źródełowych na rozwój myślenia historycznego uczniów: teoria a praktyka. Bydgoszcz, 2004*). Из моих исследований видно, что при подготовке к уроку школьники прежде всего обращаются к учебнику и разного рода обобщающей литературе (70%). Показателен, однако, тот факт, что все чаще и чаще они обращаются непосредственно к источниковому материалу (26%). При написании письменных работ и подготовке к устным ответам учащиеся самостоятельно обращались к фрагментам хроник, дневников и воспоминаний, чтобы привести описания свидетелей событий. Фрагменты источников (например, высказывания того или иного исторического лица) чаще всего выступали в качестве иллюстрации, но в старших классах встречались и попытки самостоятельной оценки содержания документа или сопоставления нескольких суждений современников об одном и том же событии. Школьники не просто «обращались» к источникам, но и пытались их анализировать, на основе чего возникали их собственные объяснения исторических явлений и процессов. Необходимые тексты заимствовались из учебников, хрестоматий и научно-популярной литературы. Мои исследования позволяют утверждать, что школьники, во-первых, интересуются анализом источников и предпочитают читать их самостоятельно (а не слушать учителя, использующего источники как иллюстрацию), а во-вторых – все чаще обращаются к информации, заимствованной непосредственно из источника, хотя и не всегда еще, к сожалению, могут ее оценить. Самостоятельно прочитанный исторический текст оказывает воздействие на знания школьников по истории и расширяет их кругозор. Устойчивость полученных знаний становится выше в том случае, если учащиеся могут проверить знание, извлеченное из учебника, сопоставлением с источниковым материалом.

Обучение должно быть уподоблено процессу научного исследования, так как информация вполне может осваиваться в результате самостоятельной познавательной деятельности учащихся, которые попутно овладеют определенными исследовательскими навыками. Для реализации этой модели необходимо обеспечить активность школьников на уроках. Необходимость самостоятельно добывать те или иные знания вынуждает учеников ставить проблемы, формулировать и проверять гипотезы, а в конце концов, как следствие процесса мышления, – вырабатывать собственное мировоззрение. В высшей школе эти навыки развиваются еще больше, так как в программах польских университетов предусмотрено параллельное чтение нескольких курсов соответствующего характера, таких как «Методология исследований», «Инструментарий историка» или «Вспомогательные исторические дисциплины».

По моим наблюдениям, такой же подход к выработке у подрастающего поколения навыков работы с источниками проводится и в современном российском образовании, причем как в средней, так и в высшей школе.

Думаю, поэтому, что замечание О.М. Медушевой относится к предыдущему историческому этапу. Сейчас не менее важно не потерять обретенного пути и, выбирая между «знанием» и «умениями», основной акцент делать именно на эти последние. Овладев «умениями», каждый может прийти к «знанию», ибо познание прошлого осуществляется путем эмпирических наблюдений над материалом источников.

(Перевод с польского Д.А. Добровольского)

Р.Б. Казаков: Источниковедение как область наукоучения в структуре исторической науки у О.М. Медушевой

В трудах Ольги Михайловны, ее выступлениях на конференциях, заседаниях Ученых советов и заседаниях кафедры да и просто в разговорах с коллегами всегда можно обнаружить ее императив – наука только тогда становится подлинной наукой, когда умеет осмысливать себя и преподавать накопленное научное знание научному сообществу. Иногда это убеждение формулируется явно, иногда оно прослеживается в логике обоснований собственных высказываний, но не случайно при этом ориентация на проблемы и стратегии преподавания источниковедения в вузе. Этот вектор рассуждений задан и в книге, посвященной проблемам теории и методологии когнитивной истории. От формулирования наиболее общих понятий когнитивной истории (гл. 1 и 2) – через выстраивание ее исследовательских стратегий и способов структурирования полученного нового научного знания (гл. 3 и 4) – к образовательным стратегиям и формированию «новой образовательной модели истории как университетской дисциплины» (с. 293) (гл. 5).

Научное сообщество за века своего существования выработало разные способы презентации добытого нового научного знания. Современное состояние научного сообщества, основы которого были заложены еще в начале Нового времени с формированием науки в понимании этого феномена как европейского, таково, что освоение основных способов презентации научного знания происходит в практике вузовского преподавания. Здесь осваиваются приемы написания основных видов квалификационных работ с их способами верификации полученного знания: письменных докладов, курсовых работ и – наконец – выпускной дипломной работы. Ольга Михайловна обращается при этом («к прямому смыслу сочетания двух латинских слов»: верификация «есть проверка истинности научного утверждения, которая устанавливается в результате сопоставления с эмпирикой объекта» и настаивает на юридически обязательном обосновании новизны исследования, значимости его результатов и установлении истинности каждого из утверждений автора квалификационной работы (с. 253–254).

Так теоретически обосновывается и постулируется важнейшее положение в практике преподавания наук о человеке и обществе: верификация полученного нового знания происходит через соотнесение научного утверждения (сформулированной автором квалификационной работы исследовательской гипотезы) с эмпирическим материалом, собранным и изученным автором в своем исследовании. Верификация состоит при строгом соблюдении процедур установления истинности и обязательной экспликации этих процедур в самой работе. Отсюда становится понятным то принципиальное значение, которое придается тем частям квалификационных работ, где задаются и обосновываются набор и последовательность верификационных процедур, методы их применения, ожидаемый результат и результат, полученный в ходе исследования. Как известно, это введение и заключение – неперенные атрибуты квалификационных письменных работ в науках о человеке и обществе.

Ольга Михайловна обратила внимание и на сложности, которые встречаются на пути подобной исследовательской стратегии: разные, исторически сформировавшиеся практики верификации полученного научного знания, сложившиеся еще в рамках позитивистской парадигмы и обозначенные знаковыми трудами И.-Г. Дройзена, Э. Фримена, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, Э. Бернгейма и других. Эти подходы существуют и сейчас, но в российской практике «марксистско-ленински» вулгаризированные, а в ситуации постновейшего времени еще и дополнительно и весьма специфически ангажированные они приводят к утрате профессиональных навыков исследования и исчезновению способности внятно, четко и логично изложить результаты проведенного исследования. Особенно удручают так хорошо знакомые с советских времен попытки немедленно процитировать в квалификационных работах нововышедшие документы органов власти.

Но кроме задач, поставленных О.М. Медушевой перед когнитивной историей в условиях формирования новой университетской образовательной модели, я бы хотел обратить внимание на те трудности, с которыми университетское гуманитарное образование, на мой взгляд, еще не умеет справляться.

Дело в том, что существующие образовательные стратегии, применяемые повседневные практики преподавания, рассчитаны на человека письменной культуры – человека, наследующего весь культурный запас, накопленный обществом в рамках большого цивилизационного проекта «Просвещение». Этот человек был обращен в своих культурных и образовательных запросах прежде всего к письменному слову, книге, информации, зафиксированной в письменных произведениях. Письменные способы представления научного знания – основные для науки и до сегодняшнего дня. Этому наблюдению не противоречат и современные электронные способы передачи информации: одна и та же статья публикуется в бумажной и сетевой версии научного журнала, автореферат диссертации печатается небольшим тиражом и публикуется на сайте соответствующего учреждения. Все равно в основе лежит письменное произведение. Письменный научный трактат, диссертация – основной научный «продукт» с момента становления науки. Опубликованными трудами будут обмениваться ученые разных стран XVII–XVIII вв., поддерживая тем коммуникацию в рамках научного сообщества, диссертации Лейденского университета будут публиковать в XVII в. Елизаветы, составив себе славу и состояние, письменных трактатов будет требовать императорская Петербургская академия от своих членов, живущих не в Петербурге и участвующих в научной работе академии по переписке – членов-корреспондентов.

Способы обучения научному знанию через обращение в первую очередь к письменному произведению (в особой письменной форме зафиксированным результатам опытов и экспериментов – в точных и естественных науках) продолжают оставаться основными в современной образовательной практике и фиксируются на законодательном и нормативном уровне. Это означает, что к дипломной работе как к выпускной квалификационной работе должна привести сама логика построения высшего образования с навыками написания первоначально письменных докладов и курсовых работ как самостоятельных и целостных исследований.

Однако необходимо понимать, что современный студент все в меньшей степени является человеком только письменной культуры, все в меньшей степени способен воспринимать и осмысливать протяженные линейно выстроенные письменные тексты (например, объемом с блистательный курс «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна или классический учебник «Русская палеография» Л.В. Черепнина). Происходящая на наших глазах новая визуализация восприятия мира приходит в противоречие с действующими практиками преподавания. На мой взгляд, тестовая система оценки знаний (в качестве основной ли, в качестве одной из возможных), обращаясь в конечном итоге к накопленным традиционным способам (через систему учебников, учебных пособий, пособий для учителя, методических материалов, решебников – письменных произведений) в школе знаниям, предельно примитивизирует мотивацию и практики осмысления знаний и их конечной фиксации. Единный государственный экзамен исключил сочинение по литературе в качестве одного из вступительных экзаменов в вуз, упразднив важный критерий отбора абитуриентов по принципу их умения логично, связно, аргументированно и грамотно излагать свои мысли. Но ведь в гуманитарном вузе от студента по-прежнему требуют в качестве выпускной работы протяженного письменного текста, выстроенного по определенным правилам. Эти требования предъявляются студентам, которых уже не учат писать сочинения в школе, которых все меньше и меньше учат писать самостоятельные и законченные исследовательские работы в вузе, все более заменяя их теми же тестами, рефератами, почерпнутыми в глубинах интернета. Так идеи высшего образования, сложившиеся столетия назад и закрепленные в действующем сегодня законодательстве, приходят в противоречие с социальной реальностью постновейшего времени.

Я не знаю ответов на поставленные вопросы и даже не уверен, что смог правильно обозначить свои беспокойства. Но мы часто и подолгу говорили об этом с Ольгой Михайловной. Несомненно то, что монография «Теория и методология когнитивной истории» задает направления поисков ответов на эти вопросы. Не лежат ли эти поиски, в частности, в плоскости осмысления «вещных», предметных и наглядных материальных свойств информационного ресурса человека – исторического источника?

Е.В. Пчелов: Вспомогательные исторические дисциплины и когнитивная историческая наука

В своей книге «Теория и методология когнитивной истории» О.М. Медушевская теоретически обосновала существование нового направления гуманитарной мысли – когнитивной исторической науки. Ее задача – понимание чужого сознания, мышления человека других эпох и культур, возможное путем анализа информационного ресурса реализованных продуктов целенаправленной человеческой деятельности – того, что мы называем историческими источниками. Эта, источниковедческая по сути, парадигма исторического знания актуализирует понятие «вещи», через которую человек и осуществляет информационный обмен. Ольга Михайловна подразумевает под «вещью» интеллектуальный продукт, в котором человек, «с одной стороны, фиксирует и выражает (в образе или знаке) свои идеи, и через который, с другой стороны, извлекает информацию о других людях» (с. 45). Этот обмен носит опосредованный характер, но он имманентно присущ любому человеческому сообществу: «Сущностная составляющая сообществ – это мир вещей, который изначально формирует когнитивные способности в любом обществе. Неслучайно сама атмосфера взаимного узнавания людей разных культур через вещественный мир исполнена информационного магнетизма и эмоционального подъема, если, конечно, это атмосфера деятельностного, а не потребительски пассивного, не связанного с деятельностью наблюдения» (с. 44). Информационный же ресурс вещи может быть «закодирован в виде изображающих знаков или обозначающих символов или их сочетаний». В то же время Ольга Михайловна предостерегает от «абсолютизации семиотической, знаковой составляющей сообществ для их интерпретации». «Разумеется, – продолжает она, – для функционирования сообществ знаковая система необходима, и умение её распознавать (чтение-письмо как распознавание текста и его создание) составляет необходимое условие социализации. Но сам знак изначально отсылает к реальному миру и познавательной деятельности в нем (изображающий идею знак или обозначающий ее символ): сам знак уже материален как продукт (здесь автор ссылается на Ч. Пирса. – *Е.П.*). Вне связи с деятельностью знак не интерпретируется однозначно (как, например, понятие “дар”). Важно поэтому выявить изначальную реальную связь с миром вещей, его имплицитной достоверностью» (там же). Таким образом, при анализе источника и закодированной в нем с помощью знаков и символов информации исследователь получает возможность познания мышления другого человека: «Константность, устойчивость бытования эмпирической вещи изначально создает условия для опосредованного информационного обмена, что делает возможным живое функционирование человеческого сообщества. Следовательно, человек имеет условия для познания другого, себе подобного, как на повседневном, бытовом уровне, так и на уровне научного познания» (с. 19). Это познание позволяет выявить как общечеловеческие параметры исторического процесса, так и особенности сознания и мышления «другого» – человека иных эпох и культур. Понятие «культура», как мне кажется, является для когнитивной истории одним из центральных, поскольку представляет собой то пространство, где существуют, функционируют и накапливаются «вещи».

Такой подход обнаруживает свою чрезвычайную продуктивность в контексте того условного комплекса наук, который традиционно, хотя и не вполне верно именуется вспомогательными историческими дисциплинами. Когнитивная история подчеркивает их неразрывную, сущностную связь с источниковедением. Понимание источниковедческого метода как основополагающего для когнитивной исторической науки усиливает значение вещественных и изобразительных источников и придает особую актуальность знаковой и символической природе источника. «Вспомогательные исторические дисциплины» как раз и обращены к этой семиотической составляющей интеллектуальной деятельности человека – они исследуют знаково-символические аспекты культуры – как на уровне отдельных видов исторических источников, семиотический характер которых является для них особенно важным или даже основным (гербы, эмблемы, знамена, ордена и медали, печати, монеты), так и на уровне знаковой составляющей источников других видов (знаки письма и счета – палеография, грамматология, историческая метрология).

Совершенствование и актуализация методов источниковедческого анализа применительно к источникам не письменным в рамках парадигмы когнитивной истории является давно назревшей задачей. Из узких рамок своей «вспомогательности» и «историчности» дисциплины вышеозначенного круга перерастают в фундаментальные гуманитарные науки, в рамках которых реально осуществляется полидисциплинарный синтез и формируется точное научное знание, делающее историю строгой наукой.

Для когнитивной истории значим и другой аспект «вспомогательных исторических дисциплин». Именно их «материал» позволяет выявить те фундаментальные категории культуры, которые представляют собой результат сознания другого и сами оказывают на это сознание существенное влияние. Мышление человека иных времен и культур формирует такие особенности его картины мира, которые делают невозможным его понимание с позиций мышления современного исследователя. На эту инаковость уже давно обращали внимание, но теория когнитивной истории открывает реальные возможности для именно научно обоснованного, надежно верифицируемого понимания этого мышления через анализ его овеществленных результатов. Такие «вспомогательные исторические дисциплины» как палеография, хронология, метрология, генеалогия, историческая география и многие другие могут служить и служат основой для реконструкции таких категорий как письмо, время, пространство, социальные структуры и т.д. применительно к сообществам всех времен и культур, а значит, раскрывают и общие, и особенные черты исторического мышления. Когнитивная история, осуществляющая синтез источниковедения и «вспомогательных исторических дисциплин», выводит их на новый уровень фундаментального гуманитарного метода.

Н.В. Нор: Понятие «исторический источник» в исследовательских практиках

Я хотела бы продолжить мысль М.Ф. Румянцевой о том, что трудами О.М. Медушевской источниковедение выведено на уровень, когда оно способно стать основой гуманитарного знания в целом, в новом качественном формате суммировать знания, полученные в разных отраслях гуманитарной науки. И хотела бы проиллюстрировать эту мысль конкретным примером. Разработанное Медушевской определение исторического источника как продукта целенаправленной деятельности человека обращает мысль исследователя к проблемам человеческого мышления (как основе всякой целенаправленной деятельности). Некорректно утверждать, что от определения не зависят конкретные методы исследования, определение – основа метода. В отличие от предыдущих, определение Медушевской предполагает особую систему вопросов (к сожалению, зачастую даже не воспринимаемую в других областях гуманитарного знания). Сфера моих интересов – изобразительные источники, а именно лубочные картинки. Изобразительные источники как особый тип источников давно известны в источниковедении. Однако, сравнивая исторический (разработанный в источниковедении) и искусствоведческий подходы к анализу изображений, можно сказать, что историки и искусствоведы, задавая свои вопросы источникам, намеренно стремились не слышать друг друга. Можно сказать, что источниковедческий анализ изображений строился «от противного». Искусствоведческий анализ изображений состоит в сопоставлении художественных (придуманных) деталей, классификации художественных приемов и построении на этой основе таких обобщающих понятий как стиль, художественная манера. Напротив, взгляд историка был призван отсекал все «художественное» (придуманное) в изображении для того, чтобы выявить (скрытые за фантазией автора) особенности реального исторического быта. Этот метод остается актуальным и по сию пору. Однако новое определение предполагает и новую систему вопросов к историческому источнику. Базовый интерес к человеческому мышлению вовлекает в область исторического изучения художественное «я» (мышление) и художественные средства выражения (язык) автора, изучение которых доселе было прерогативой искусствоведения. В материалах Забелинских чтений ГИМ за 2008 г. должна быть опубликована моя статья, в которой сделана попытка опробовать на конкретном примере сочетание классических методов искусствоведения и литературоведения с историческим анализом происхождения и бытования круга источников, связанных общим сюжетом (История Иосифа Прекрасного). И уже проведя анализ и сделав выводы для этой статьи, я заново понимаю, насколько мощные перспективы могут стоять за подобным сочетанием методов, каждый из которых в отдельности приводит лишь к ограниченным результатам. А возможным такое сочетание стало только в рамках источниковедения благодаря теоретическим трудам О.М. Медушевской и ее школы.

Слова С.О. Шмидта напомнили мне рассказ Ольги Михайловны о ее занятиях историей географических открытий и картографией. Этот рассказ был совсем не о благополучном процессе изучения широкого спектра исторических источников и публикации старинных карт. В 1964 г. Медушевская отказалась от занятий историей картографии и интереснейшим видом документов – старинными географическими чертежами и картами России. Произошло это в связи с подготовкой и после издания «Атласа географических открытий в Сибири XVII–XVIII вв.». Ольга Михайловна говорила, что это ее сознательный выбор и причиной его были возникшие в процессе подготовки Атласа цензурные вмешательства и ограничения. Тогда об этом было сказано мимоходом и без подробностей.

Недавно мне пришлось столкнуться со следами и последствиями деятельности того неведомого цензора-историка. Наводя справки о редкой итальянской карте 1566 г., на которой показан и впервые именован Анианский пролив между Азией и Америкой, я обнаружил, что в Атласе 1964 г. эта карта (№ 14) воспроизведена с частично вымаранным текстом в титульном картуше. Поскольку эта карта воспроизводилась в разных изданиях и до и после 1964 г. восстановить изъятый текст было легко. Оказалось, что цензором были изъяты слова, обозначающие место и год издания, имя составителя или гравера этой карты: *Venetijs aeneis formis Bolognini Zalterij Anno. M.D.LXVI.*

Через несколько лет А.В. Ефимов, редактор того Атласа 1964 г., в очередном издании своей истории русских географических открытий, вышедшем в 1971 г., снова воспроизвел сфабрикованное изображение упомянутой карты. А Ольга Михайловна выбрала отказ от участия в дальнейшем распространении подделок исторических документов. Кажется, что случай мелкий, но достоинство его заслуживает памяти.

© 2010 г. С. А. КРОПАЧЕВ*

НОВЕЙШАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О МАСШТАБАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В 1937–1938 годах

В данной статье будут рассмотрены отечественные исследования 2000-х гг. о жертвах «большого террора»¹. Необходимо отметить, что первые публикации, в которых назывались цифры потерь от сталинских репрессий, появились в конце 1980-х гг.² Это было время острых политических дискуссий, столкновений различных общественных мнений и взглядов. Исторические сюжеты являлись важнейшим фактором размежевания политических сил, а выводы о величине потерь СССР в годы «большого террора», Великой Отечественной войны, депортаций и голода, предлагавшиеся в средствах массовой информации, стали одним из главных аргументов в спорах «демократов» и «номенклатурщиков». Дискуссии и споры не всегда были результативными, но период конца 1980-х – середины 1990-х гг. был весьма важным в отношении определения истинных масштабов потерь советского государства, в том числе и в годы «большого террора». Без этого периода выявления и публикации ранее закрытых документов невозможно было бы собрать богатый «урожай» публикаций 2000-х гг.

В новейшей отечественной историографии о потерях СССР в годы «большого террора» освещаются не только масштабы массовых политических репрессий в середине 1930-х гг., но и судьбы репрессированных, уровень смертности заключенных в местах лишения свободы, влияние террора на демографические процессы и социально-экономическую ситуацию в стране накануне Второй мировой войны.

* Кропачев Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета.